Нефер Митанни

НЕУКРОТИМАЯ

Серые каменные стены были влажными. Затхлый воздух пах плесенью. Руки, поднятые вверх и пристёгнутые цепями к железным прутам, вбитым в стену, нещадно болели. Впрочем, как и всё тело, покрытое кровавыми рубцами. До сих пор он ощущает ласки сыромятного кнута с шипастым стальным шариком на конце. Кажется, на спине и груди, на плотных ягодицах не осталось ни точки, не поцелованной кнутом. Но больше всего ныл фаллос, закованный в стальную решётку.

Великан – а он обладал поистине исполинским ростом и фигурой - не помнил, кто он и откуда, как оказался в этом подземелье. Он знал о себе лишь имя, которым называла его госпожа – Дхирам. Её лицо, искажённое злой насмешкой, преследовало его даже в снах. Впрочем, спать он не мог, просто на некоторое время проваливался в бездну, где переживал вновь всё то, что перенёс наяву. А ещё иногда он видел глаза, тёмно-карие, с длинными ресницами, немного настороженные и печальные. Казалось, они смотрят в самую душу и словно зовут его куда-то. Кому принадлежал этот взгляд? Кем для него была обладательница этих чарующих глаз? Он не мог вспомнить, хотя всякий раз, когда они всплывали в его памяти, он силился воскресить в своём одурманенном сознании облик незнакомки. Но тщетно.

Внезапно послышался скрежет открываемого замка и тяжёлые двери распахнулись, впустив высокую обнажённую амазонку. Только кожаный пояс с широкой узорчатой пряжкой составлял её одеяние.

- Приди в себя, раб! – прозвучал насмешливый голос. – Королева ждёт тебя.

Пленник поднял голову и посмотрел на вошедшую полубезумным взглядом воспалённых глаз. Амазонка с кошачьей грацией подошла к нему и отстегнула его руки. Мужчина, лишившись поддержки, рухнул на колени.

- Правильно! Ты рождён, чтобы падать, усмехнулась она и, пнув его, добавила: - Вставай! Иди! Вперёд, говорю! Не заставляй королеву ждать!

Рукоять плётки ткнула его между лопатками.

Очутившись в роскошной светлой комнате, Дхирам увидел Марису. Она восседала на широком диване, установленном на возвышении. На этот раз на ней не было даже ремня, скрывавшего одну грудь. Обнажённое тело королевы с рельефными мышцами, гибкое и стройное, было смуглым, словно статуэтка, выточенная из палисандра, и с ним никак не сочетались золотистые белокурые волосы, которые были заплетены во множество тугих косичек, стоявших над головой в виде своеобразной короны.

- Ступай, - повелительным жестом она отпустила служанку.

Потом встала и медленно, словно пантера, готовящаяся к прыжку, приблизилась к мужчине и обошла вокруг него. От неё исходил приятный запах апельсина.

- Прекрасно! – её яркие губы исказила усмешка, зелёные глаза потемнели и вспыхивали пугающими искрами.

Кисти рук амазонки, словно перчатки, покрывала тёмно-синяя краска. В одной руке королева держала изящный серебряный ключ. Она бесцеремонно схватила закованный пенис рукой и, вставив ключ, открыла замок.

- Сейчас ты позабавишь меня, - опять усмехнулись крупные губы, и язык облизнул верхнюю из них.

Фаллос висел беспомощным концом.

- Ой, что это с ним случилось? – притворно удивилась Мариса. – Почему он такой грустный? – она скорчила печальную гримасу и надула губы. – Неужели мой вид ему не нравится?

- Прошу, прощения, моя королева, - хриплым голосом произнёс раб и склонил голову. – Я слишком устал…

- Что? – рука амазонки сжала круглые дополнения фаллоса. – Устал? – глаза по-кошачьи сузились. – Ты должен молить меня о пощаде, а не сетовать на усталость!

- Да… - хрипло выдохнул мужчина, стараясь сохранить спокойствие.

Но когда рука сжимала его, это было почти невозможно. К тому же краска, которой были покрыты кисти властительницы, вызывала жжение. Начиналось всё с приятного тепла, но постепенно тепло охватывало всё тело, а в месте прикосновения полыхало настоящим жаром, вызывавшим возбуждение.

- Прошу простить меня, госпожа…- сквозь сжатые зубы процедил пленник.

Она резко убрала руку и приказала:

- Наклонись вперёд!

И едва он послушался, как длинные сильные пальцы вновь обхватили его нежнейшее место и потянули. Мужчина вынужденно опёрся на руки и приподнялся на цыпочки.

- Идём! – амазонка, не отпуская его, повела пленника к дивану и уселась на разложенные подушки.

Потянув чувствительную кожу вниз, она заставила раба замереть в унизительной позе с приподнятыми вверх ягодицами. Потом отпустила его, развалилась на подушках и выставила вперёд руку ладонью вверх.

- А ну, давай, клади их сюда! – приказала она, взглядом указывая на его весомые дополнения к фаллосу.

Он послушно опустил требуемое на её ладонь. Женские пальцы стали осторожно перебирать, прощупывая половинки в мешочке.

Дхирам извивался от этих прикосновений, кусая в кровь губы, старался сдержать рвущийся стон. Но это ему не удалось, он всё-таки застонал.

- Я чувствую, ты послушный раб, - усмехнулась Мариса, - ты давно не кончал и переполнен своим семенем. Как вы, мужчины, слабы, - она засмеялась, запрокинув голову. – Я держу тебя за этот ничтожный комочек кожи, а ты готов умолять меня о пощаде. Вы не властны над своим телом, презренные. Поэтому вам никогда – слышишь, Дхирам? – никогда не сломить нас, амазонок!

***

ЗА ГОД ДО ОПИСАННЫХ ВЫШЕ СОБЫТИЙ…

Сэр Томас Олдридж восседал в высоком кресле, напоминающем трон. Огромный зал был освещён ярко пылающими факелами. Их пламя причудливыми бликами плясало на старых каменных стенах, вдоль которых выстроились воины графа, верой и правдой служившие ему на протяжении многих лет. Мутновато-коричневые, выцветшие от времени глаза старого рыцаря смотрели в никуда. Его лицо казалось мрачным, некогда правильные черты то и дело искажались в какой-то странной гримасе. Широкая грудь тяжело вздымалась, графу было душно в этом заполненном людьми зале. Но он терпеливо исполнял долг хозяина. Лишь выступивший на лбу пот выдавал его напряжение. Высокие дубовые двери распахнулись, и слуга торжественно объявил:

- Сэр Дэймон Келли.

В сопровождении свиты из четырёх человек в зал вошёл высокий русоволосый рыцарь, одетый во всё чёрное.

- Рад приветствовать вас! – склонился он в почтительном поклоне перед графом.

Тот окинул его изучающим взглядом и жестом попросил садиться. Когда гости расположились за столом, он произнёс чуть хрипловатым голосом:

- Итак, сэр Дэймон, состояние моего здоровья не терпит. А посему я вынужден просить вас немедля дать ответ на моё предложение.

- Мой ответ - да, - твёрдо отвечал Келли. – Это весьма выгодная для меня сделка.

- В таком случае, сейчас вам представят вашу невесту, - граф кивнул седовласой головой и распорядился: - Позовите леди Констанцию.

***

- Ах, дитя моё, - вздохнула старая Мэри и смахнула набежавшую слезу, - таков удел женщины – повиноваться мужчине… Будем надеяться, что твой отец выберет тебе доброго и достойного мужа.

- Но, няня, я совсем не хочу выходить замуж, - Констанция с раздражением посмотрела на старуху. – Как я могу стать женой человека, которого даже не знаю? О нём рассказывают ужасные вещи… Недаром он носит прозвище Чёрный Дракон…

Мэри опять вздохнула и, убирая под чепчик выбившуюся седую прядь, заметила:

- Не ты первая, дитя моё, не ты последняя. Отец на смертном одре…Господь не дал ему сыновей, все умерли в младенчестве… Ты – наследница Олдриджхола, наследница титула. Но женщина не может управлять сама. И потом, твоя проблема… - старая нянька замолчала, не договорив, после паузы заключила: - Поэтому положись на Господа… Будем надеяться, что он направит выбор твоего отца и не допустит, чтобы тебе в супруги достался плохой человек.

- Мэри, мне так страшно! – воскликнула девушка и закрыла ладонями лицо.

Сморщенная сухая ладонь старухи легла на тёмную головку.

- На всё воля Божья, – заключила старая нянька, - ступай, детка, не испытывай терпение отца… - Старуха быстро осенила её крестом, - я буду молиться за тебя!

Носилки с восседавшей на них Констанцией долго плыли по коридорам замка. Сильные слуги несли их, стараясь не раскачивать. Тысячи мыслей теснились в голове девушки. Что ожидает её там? Какую судьбу ей уготовил горячо любимый отец? Да, она была послушной дочерью. Но … она была дочерью Томаса Олдриджа, одного из самых бесстрашных рыцарей, человека с неукротимой и твёрдой волей. И она, хрупкая с виду маленькая девушка, едва вышедшая из детства, на самом деле обладала независимым нравом. Пусть у неё есть серьёзная проблема, которая принесла ей много боли, омрачив последние десять лет её юной жизни. Однако если она покориться, то только тому, кто окажется достойным этого. Так решила юная леди Констанция.

Чуть помедлив у высоких дверей, девушка подала слугам сигнал, и они внесли её в зал.

- А вот и ваша невеста, сэр Келли, - Томас дрожащей рукой указал на дочь, севшую на трон рядом с ним. – Дитя моё, - обратился он к ней, - это твой будущий супруг, сэр Дэймон Келли.

Длинные тёмно-русые волосы закрывали крепкую шею рыцаря и падали на широкие плечи. Едва взглянув на него, Констанция чуть не отшатнулась, её сердце учащённо забилось. Лицо рыцаря закрывала маска из чёрного бархата. Лишь твёрдый подбородок и губы не были скрыты под тканью, да серые миндалевидные глаза в опушке густых ресниц виднелись в прорезях, они смотрели мягко и открыто. На мгновение взгляды рыцаря и девушки встретились.

- Леди Констанция, я рад встречи с вами, - рыцарь склонился в почтительном поклоне и поднёс к губам маленькую ручку девушки.

Да, совсем не такой представлял себе Дэймон будущую жену. Ему нравились статные, высокие женщины, с пышными соблазнительными формами. А перед ним предстал маленький ангел с тёмно-карими глазами, как у газели. И вообще, в ней было что-то от этого животного – настороженность, словно в любой момент она была готова сорваться с места в грациозном прыжке. Пожалуй, её и обнять-то как следует не получится – уж слишком миниатюрна и хрупка. Но главное… главное – это её проблема. Да, не о такой жене мечтал храбрый рыцарь. Ну, что же, в конце концов, он получит с ней титул и земли, прекрасное дополнение к уже имеющимся богатствам. Он будет заботлив с ней, ни в чём не станет ей отказывать. Разве может он не пожалеть бедняжку? А наследник… Ну, у него не будет с этих проблем: в замке много хорошеньких крепких служанок, любая почтёт за честь родить ему сына, которого он открыто признает своим наследником.

Дэймон был третьим сыном своего отца, и старшие братья уже успели обзавестись наследниками мужского пола, поэтому Дэймон должен был сам устраивать свою жизнь. С юных лет он стал рыцарем короля Бригитании, Ричарда X. За эти годы он сражался с дикими племенами степей Юга, с неустрашимыми воинами Востока и с храбрыми, непреклонными амазонками – жительницами центральных лесов. Однажды в сражении у Бриггена он чуть не пленил их гордую королеву Марису. Сэр Келли по праву носил прозвище Чёрный Дракон, снискал себе славу и богатство. Но для укрепления своего положения было необходимо жениться на высокородной невесте. Брак с Констанцией Олдридж отвечал всем этим требованиям.

Рыцарь заметил, как порозовели щёчки девушки. Её волнение тронуло его. И он, задержав на мгновение её руку, провёл большим пальцем по её пальчикам. Она испуганно взмахнула чёрными ресницами и отвела взгляд. Но сразу взяла себя в руки, ответила ровным тоном:

- И я рада видеть вас, сэр Дэймон.

Почтительно склонила голову. «Интересно, он носит прозвище Чёрный Дракон, но он не брюнет… и эта маска… Что скрывает она?», - подумала Констанция. Противоречивые чувства охватили её. Девушку смущала не только загадочная маска, но и огромная фигура сэра Келли. Он был самым высоким и широкоплечим мужчиной среди прочих могучих рыцарей, присутствовавших в зале, и казался ей едва ли не великаном. Ей было неловко смотреть в его лицо, потому что взгляд неизменно устремлялся на маску. Но лучистые глаза, никак не вязавшиеся с жёсткой линией его губ, притягивали к себе. И девушка невольно то и дело смотрела в них.

- Сэр Келли, я разрешаю вам побеседовать с вашей невестой в саду,- севшим голосом проговорил старый граф.

Сад Олдриджхола являл собой великолепное зрелище. Кусты роз соседствовали с зарослями дикого винограда. Вечерний воздух полнился пьянящими ароматами, музыкой разносились голоса птиц. Дэймон и Констанция сидели в беседке, что стояла в глубине тисовой аллеи. «Надо же, эта девочка должна стать моей женой», - мысленно горько усмехнулся рыцарь. Не станет ли она донимать капризами, сможет ли стать достойной хозяйкой и главное – сможет ли дать ему наследников? Чёрный Дракон очень в этом

сомневался. Уж слишком хрупкой и, наверняка, избалованной она была. Он вдруг представил её обнажённой, распростёртой перед ним на брачном ложе. Увы, привычное томление в чреслах не пришло. Пожалуй, с ней нельзя позабавиться. Да, гибкая фигурка обещала ему разнообразие поз, а Дракон любил наслаждение с фантазией. Однако сейчас был не тот случай. Его сердце сжималось не от желания, а от жалости к ней. Бедный, бедный ребёнок! Если бы судьба не отняла у неё самое дорогое, то она бы стала самой красивой невестой в стране. А так…

Констанция тоже пребывала в раздумьях. Девушка безуспешно пыталась разобраться в своих чувствах. Чёрный рыцарь пугал её и… притягивал. От него исходил какой-то необъяснимый магнетизм. И дело было не только и не столько в маске, скрывавшей его лицо, сколько во всём его облике и даже в звуке его голоса.

- Леди Констанция, вы смущены моей маской? – вдруг спросил он.

- Нет… то есть да, то есть …- сбивчиво пробормотала девушка, но тут же взяла себя в руки и, вздёрнув изящный подбородок, строго ответила: - Я не смущена, но мне хотелось бы видеть ваше лицо. Вы полагаете это странное желание?

Она посмотрела прямо ему в глаза. И вдруг улыбка преобразила его тонкие губы. Констанция решила, что у него довольно милая улыбка.

- О, нет, нет, - отвечал он, и его глаза залучились весёлыми искрами. – Это вполне законное желание. Выходить замуж за кота в мешке - весьма печальная участь. Только уверены ли вы, что хотите увидеть моё лицо?

Да он смеётся над ней! Его голос звучал с жёсткой иронией. Констанции даже показалось, что он едва сдерживается, чтобы не рассмеяться ей в лицо.

- Вернее, уверены ли вы, что готовы увидеть скрытое под маской? – продолжал он и внимательно посмотрел ей в глаза.

Констанция совсем не была уверена в этом. По правде сказать, в ней боролись любопытство и страх. А ещё ей не хотелось отступать. Она вообще не привыкла отступать и прятаться. И поэтому сейчас она вздёрнула гордо голову и, глядя в его насмешливые глаза, твёрдо сказала:

- Да, я готова увидеть ваше лицо и хочу этого.

Дэймон поднял руку и быстро снял маску.

Констанции стоило больших усилий удержаться от восклицания. Лишь вздох вырвался из её груди. Его лицо в обрамлении длинных тёмно-русых волос можно было бы назвать красивым, если бы не безобразный шрам, пересекавший всю его левую часть. Он придавал правильным чертам свирепое выражение. Картину довершал хищный нос с горбинкой. И только глаза излучали удивительное тепло. В зависимости от освещения они казались то серыми, как осеннее небо, то голубыми. Сейчас он внимательно смотрел на неё, словно тоже рассматривал её черты.

Дэймон следил за выражением лица девушки. Она побледнела и напряглась. Но к его удивлению он не заметил и тени отвращения, которое обычно читал на лицах людей, впервые увидевших его изъян. О, сколько раз он сталкивался с тем, что люди отводили взгляд, пытаясь скрыть свои чувства. Впрочем, это не имело для него значения: женщины и так не отказывали ему, с восхищением принимая в себя его могучий жезл с распалённой шёлковой головкой. А мнение мужчин было вообще неважно.

И всё-таки он носил маску. Она словно отгораживала его от мира, придавала загадочности и … устрашала. Да, именно устрашала. Как и чёрный дракон на его щите. Как всё его чёрное одеяние, так удивительно подходившее к его статной могучей фигуре.

Чёрный Дракон – безжалостный и жестокий к врагам, но милосердный к пленникам – это он сам, сэр Дэймон Келли.

- Вы испугались? – спросил он, вцепившись взглядом в лицо девушки.

Как он хотел проникнуть в её мысли!

- Н-нет… нет, - поспешно ответила она и не отвела взгляд. – Вам больно? – вдруг участливо спросила она.

Он бы мог поклясться, что в её глазах мелькнуло сострадание! Нет, сострадания ему не надо! Дракон не нуждается в жалости! Впрочем, ведь она сама тоже, вынуждена ловить на себе жалостливые взоры.

- Не более, чем вам, миледи, - ответил он, склонив голову.

- О… - её щёки вспыхнули, - простите… я не хотела вас обидеть…

- Вы не обидели меня, - он встал со скамьи. – Это действительно так. Нам обоим не нужна жалось. Не так ли?

- Да… Вы правы… Жалось обычно унижает, - тихо ответила она дрогнувшим голосом. - Но … если она рождена из сердца близкого человека, то… то всё иначе…

- Иначе? – он удивлённо поднял бровь.

- Да, иначе… Если жалось исходит из близкого сердца, которое вас понимает, которое само пережило нечто похожее, то такая жалость есть проявление любви … или она способна родить любовь…

Эти её слова почему-то вызвали у него раздражение.

- Вы слишком плохо знаете жизнь! – нахмурившись, бросил он. – Жалось всегда унизительна. А любовь … мне кажется, она способна родиться только из физической страсти. Я вижу тело, оно вызывает во мне желание, я его люблю. Всё просто! А иные рассуждения – риторическая чушь. Но вам, миледи, она простительна. В силу вашего возраста и…и замкнутого образа жизни.

Она опустила голову. На мгновение ему показалось, что она спрятала слёзы. Но он тут же отогнал эту мысль. Его начинала утомлять их беседа. Хотелось откланяться и уйти. Однако он должен был соблюсти приличия и продолжал неприступной стеной стоять перед юной графиней. Неожиданно она сама помогла ему.

- Сударь, я бы хотела побыть одна… У вас, вероятно, есть дела… Рада была вас видеть, - дрогнувшим голосом произнесла она и протянула ему руку для поцелуя.

Он склонился и скользнул губами по тонким пальчикам, поразившись – в который раз! – их хрупкости. Откланявшись, быстро вышел.

***

Бракосочетание было пышным. Но весь пир прошёл для Констанции, словно во сне. Она машинально повторила слова брачной клятвы, машинально протянула руку, чтобы её супруг надел кольцо на её палец. Потом отрешённо сидела за столом и улыбалась, потому что должна была это делать. За всю свою короткую жизнь Констанция привыкла следовать правилам, но в глубине её сердца всё было иначе. Ещё несколько лет назад, как и положено девочке-подростку, она мечтала однажды выйти замуж и стать любимой. Теперь же, глядя в прекрасные глаза сэра Келли, ставшего её супругом, она не видела ничего, кроме уважения и… жалости. Он смотрел на неё именно с жалостью. Хотя – и Констанция это тоже осознавала – пытался прятать в себе это чувство. Она же хотела совсем иного. Ей мечталось о пылком взоре, о страстных касаниях рук и … о большем, о том, что происходит между любящими супругами. Но сэр Келли был холоден.

Впрочем, она ошибалась, не подозревая об этом. Дэймон на самом деле был взволнован. Его тревожила предстоящая брачная ночь. Следует ли ему воздержаться от

обязанностей супруга или всё-таки нужно консумировать брак? Интересно, знает ли она вообще о том, что происходит между мужем и женой? Ах, если бы не эта её проблема, он охотно овладел бы ею. Келли уже понимал, что хрупкие формы и нежное личико супруги вовсе его не отталкивают, а влекут. Девочка с глазами газели возбуждала его ничуть не меньше упитанной пышногрудой красавицы. Но… может ли он быть жестоким?! И самое главное – имеет ли он право нарушить свою клятву?

Перед ним так и стояло измождённое лицо старого графа.

- Сэр, я должен просить вас об одолжении… - граф устало закрыл глаза, словно набираясь сил, - я прошу вас проявить милосердие к моей дочери…Она может не вынести, если… если вы решите получить от неё наследника… Поэтому ваш брак должен быть фиктивным.

И Дракон дал слово умирающему сэру Томасу. Дэймон провёл ладонью по лицу, стряхивая неприятные воспоминания. Ах, если бы можно было вернуть всё назад, он отказался бы от руки Констанции Олдридж. Но теперь они обвенчаны.

- Миледи, - служанка расчёсывала ей волосы, - вы не бойтесь… Просто слушайтесь супруга и всё получится, - наставляла она Констанцию.

- Ах, Берта, я не дитя! – девушка наморщила прямой нос. – Я всё знаю… И давайте, вы избавите меня от советов.

Едва служанка с поклоном удалилась, она передвинулась к изголовью просторной высокой кровати, села, поджав колени, и натянула на себя простыню. Неожиданно дверь распахнулась, и на пороге предстал он – её супруг, Чёрный Дракон. Их глаза встретились лишь на мгновение, и он быстро отвёл взгляд.

Нужно было заговорить, но он не находил слов. Девочка выглядела настороженной, но испуга в её глазах он не заметил. Сейчас настало время решать, как объяснить ей. Окинув изучающе её хрупкую фигуру, Чёрный Дракон напрягся. Волосы – волнистые и густые, как поток тёмного шёлка, подчёркивали светлую кожу. В сердце рыцаря мелькнула жалось. Нет, граф был прав - он не может! Не может овладеть калекой! «Но она же твоя законная жена! – кричал разум. – Она женщина. Юная и красивая! Посмотри, как приятно вздымается изящная грудь, как алеют нежные щёки и сверкают огромные глаза под сенью длинных ресниц! А её рот … Он же может доставить тебя в Рай! У неё есть всё для того, чтобы ты мог овладеть ею!». Но сердце возражало: «Её ноги не ходят! Овладеть калекой – не достойно рыцаря! Ты можешь заставить её сносить боль, а у этой девочки и без того предостаточно боли. Так разве ты имеешь право быть жестоким? Ты поклялся её отцу!».

И тогда Дракон вынул меч и взмахнул им. Констанция вскрикнула и закрыла лицо руками.

- Не бойтесь! – он быстро шагнул к ней. – Это вот для чего, - он показал ей свою окровавленную ладонь, которая минуту назад сжимала острое лезвие клинка. – Мы оставим кровь на простыне. Утром все увидят, что вы стали моей женой.

С этими словами он выпачкал простыню своей кровью. Потом опустился на кровать и, глядя ей в глаза, быстро заговорил:

- Констанция, я обещаю, что никогда … не обижу вас… И не подвергну риску вашу жизнь. Вы всегда будете под моей защитой и… ни в чём не будете нуждаться… Вы хозяйка этого замка. Понимаете? Чёрный Дракон может быть добрым, - он усмехнулся уголками губ и добавил: - Я обещал это вашему отцу.

Она кивнула, её огромные глаза, наполнившись слезами, казались ещё больше.

- Вам … лучше оставить эту комнату, - дрогнувшим голосом произнесла юная графиня.

- Да, вы правы, - он кивнул, - но нельзя… Мы должны сделать вид, что… что брак наш стал реальным… И придётся подождать несколько дней… А потом, я даю слово, у вас будут отдельные покои.

Она ничего не ответила, лишь кивнула, закусив губу, и отвернулась. Дэймон лёг на одеяло на другой стороне кровати. Ему не спалось, хотя он и закрыл глаза. Но иногда он незаметно, из-под ресниц наблюдал за лежащей к нему спиной девушкой. Её плечи были напряжены. Спит ли она? По прерывистому дыханию это было сложно понять.

Констанция не спала. Она изо всех сил пыталась сдержать слёзы, но они всё равно сбегали по её щекам. Однако ни в коем случае она не смела выдать себя перед этим мужчиной, который отныне будет считаться её супругом. Он унизил её! Только что он растоптал её надежды, швырнул их в грязь, да ещё подал свой поступок как самый благороднейший! Кто она для него? Всего лишь ступенька на пути к богатству и власти. А ступеньки топчут ногами, так, как растоптал её только что Чёрный Дракон.

***

На рассвете Деймон осторожно поднялся с кровати. Стараясь не разбудить спящую Констанцию, захватил свои вещи и направился к дверям. Но что-то остановило его. Он замер, вглядываясь в черты спящей девушки. Во сне её лицо было совсем юным, лишённым того чуточку горделивого выражения, которое владело им днём. Гордость – её щит от насмешек и жалости. Сэр Келли как никто понимал её. Но … он сам боялся себе в этом признаться. Его рука потянулась к лицу девушки и замерла на полпути: нет, он не смел дотронуться до порозовевшей от сна щеки, хотя ему очень хотелось прикоснуться к ней, ощутить нежную тёплую кожу кончиками пальцев. Вместо этого Дэймон провёл ладонью по своему лицу, пригладил растрёпанные волосы и, натянув бархатную маску, шагнул за двери.

Ему захотелось выпить. Пусть крепкий хмельной напиток обожжёт горло и, ударив в голову, избавит его от нахлынувших мыслей и желаний. Келли вошёл в кладовую. Чёрт! Рыцарь едва не выругался в слух: служанка собирала с пола осколки глиняной чаши. Шерстяная юбка скрывала пышный женский зад. Почувствовав его присутствие, служанка быстро вскочила.

- Сэр, я … мне приказали… Это разбила не я, - она в волнении сжимала в руках мокрую тряпку, которой затирала пол.

- Уберёшь позже, - нахмурился Чёрный Дракон.

А, пожалуй, она – именно то, что ему сейчас надо. Он окинул её похотливым, раздевающим взглядом. Пышнотелая и высокая, большой рот и румяные щёки с ямочками. Грудь едва ли не рвётся из-под туго натянутой ткани платья. Такие ему всегда нравились – весёлые, доступные, тёплые. Граф ухмыльнулся. И вдруг шагнул к ней, охватил руками за необъятные бёдра и, развернув к себе спиной, прижался к ней своей возбуждённой восставшей плотью, которая натянула брюки.

– О, сэр… - выдохнула женщина, ответно прижимаясь к нему и двигаясь так, что он сквозь ткань ощутил ямку между половинками её аппетитного зада.

Дэймон ещё крепче стиснул её и, прижимаясь ещё сильнее, потёрся пахом о тугие ягодицы. Его рука поползла вверх и, быстро справившись с застёжкой её платья, схватила крупную грудь и ущипнула за сосок. Девушка застонала и выгнулась.

- Ах, - выдохнула она.

Он тем временем задрал юбки и стал поглаживать упругие ягодицы и бёдра. Панталонов на ней не было, и он медленно касался округлых полных форм, тёплого, белого, как подошедшее тесто, тела зрелой, искушённой женщины. Рука поплыла между бёдрами и потрогала там, настойчиво заявляя свои права на владение этим её местом. Его пальцы ощутили тягучую горячую смолу. Женщина начала подрагивать, вращая своими крупными формами, стала тереться о его руку.

Дэймон подтолкнул её к большому столу и наклонил, заставив оттопырить попу. Расстегнув штаны, он ворвался в неё одним толчком, заставив вскрикнуть. Горячее и влажное пространство опьянило его, заставило позабыть обо всём, что мучило его несколько минут назад.

- О, мой господин, сильнее! – простонала женщина.

Келли ускорил напор: сжав её ягодицы, он вошёл глубже, ударяясь своими шарами. И через несколько мгновений всё было кончено. Он высвободился из неё, натянул брюки и, смиряя сбивающееся дыхание, вышел.

***

Констанцию разбудил какой-то шум. Она огляделась, Дракона в комнате не было. Ну что ж… Это замечательно. Это просто отлично. Она привычно дёрнула шнурок, позвав колокольчиком Берту, но вместо служанки явилась няня.

- Дитя моё, ты уже проснулась? – ласковая улыбка на сморщенном лице старой женщины осветила тёмные покои.

Вдруг взгляд старушки упал на огромное кровавое пятно, оставшееся на белоснежной простыне.

- О, Бог мой! Это он сотворил с тобой?! – Мэри бросилась к своей любимице, прижала девушку к груди. – Дитя моё, он… он истерзал тебя?! Столько крови!..

- Няня, всё не так! – Констанция поцеловала женщину. – Сэр Келли не тронул меня и пальцем…

- Не тронул?.. – нянька с изумлением уставилась на неё расширенными глазами. – Да ведь тут словно ягнёнка заклали!.. Похотливый сукин сын! Уж я ему задам!

- Няня! Послушайте меня, - Констанция решительно пресекла разраставшийся гнев старой няньки, - он действительно даже не прикоснулся ко мне. Это его кровь… Он порезал свою ладонь о меч. Я – хозяйка замка, но… не жена Чёрного Дракона. Он… он не захотел меня.

Уткнув лицо в колени Мэри, Констанция разрыдалась. Сморщенная рука с узловатыми пальцами опустилась на тёмные волосы девушки.

- Поплачь, поплачь, дитя моё, - вздохнула нянька, поглаживая голову своей любимицы. – Так лучше… Поверь, ничего в том хорошего нет – быть женой. Мужчины пользуются нами, им нет дела до наших чувств…

- Няня! – девушка подняла заплаканное лицо. – Он отверг меня! Понимаешь? Я … я не нужна ему! Свадьба – фарс, игра... Констанция Олдридж недостойна быть любимой…

- Т-с-с-с, - нянька прижала девушку к себе, - поплачь, поплачь, детка…

- Мне нужно одеться, - Констанция решительно вытерла слёзы, - я не должна появляться перед ним в таком растрёпанном виде. Позови Берту.

- Детка, у тебя чудесный вид, видела бы ты себя со стороны – чистый ангел! А сэр Дэймон уехал, - вдруг сообщила нянька, и улыбка погасла на её морщинистом лице едва она увидела, как изменилось личико её любимицы: глаза, всегда такие лучистые, вдруг погасли, и все черты словно закрыла тень.

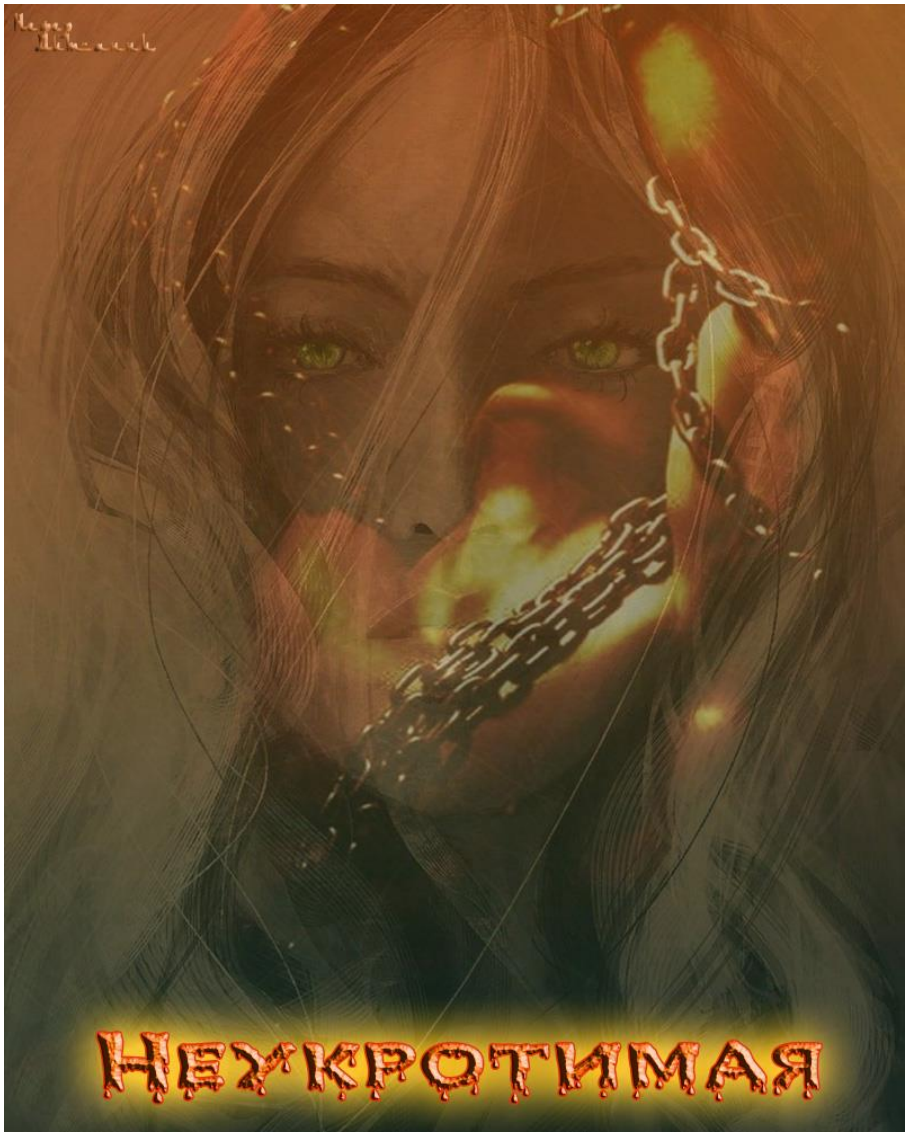
- Уехал? – Констанция с недоверием смотрела на старую Мэри. – Как уехал? Куда?!

- Прибыл гонец от короля. И Дракон сразу уехал с ним, взяв своих рыцарей. Говорили о войне. Кажется, амазонки напали на наши границы.

- И он… ничего не просил передать?

- Нет, детка. Не тревожься! Повернись, я уложу твои косы.

***



Он стоял подле огромной скалы, с которой, с силой низвергался бурный поток воды. Было очень жарко, нестерпимо хотелось вступить в ревущие прохладные потоки, но какая-то неведомая сила не давала ему сделать ни шагу.

- Он что, спит? – раздался где-то позади него громогласный властный голос, заглушавший рев водопада.

Говорила женщина, привыкшая повелевать.

Мужчина хотел оглянуться, но что-то сковало все его члены, он не мог двинуть и рукой

- Нет, моя Королева, он без сознания, - подобострастно ответил второй голос, тоже принадлежавший женщине.

- Так приведи его в чувство! - прозвучал приказ королевы.

Поток воды со всей силы обрушился на рыцаря. Он очнулся. «Так это был сон?!», - подумал с горечью и вдруг осознал, что прикован к пыточному ложу. Кисти его рук и лодыжки, охваченные кожаными ремнями, были прикреплены к каменной скамье.

Служанка отставила в сторону ведро, из которого она только что окатила пленника ледяной водой.

- Оставь нас! – приказала та, которую называли королевой. – Понадобишься, позову.

Служанка быстро удалилась. Королева подошла к рыцарю, окинула его обнажённое тело изучающим насмешливым взглядом зелёных глаз. Огромные, с длинными тёмными ресницами, они были бы прекрасны, если бы не холод, сквозивший во взоре. Женскому взгляду не хватало тепла и мягкости, как и всем её правильным чертам, которые были излишне резкими. Красиво очерченные губы изогнулись в презрительной усмешке.

- Добро пожаловать в мои владения, доблестный сэр Келли, - проговорила зеленоглазая. – Королева амазонок приветствует тебя! Много воды утекло с той нашей встречи на поле у Бриггена. Теперь настало время расчётов, Чёрный Дракон.

Женщина медленно развязала верёвки своего плаща, скрывавшего её фигуру. И серебристый покров, опадая вниз, заструился по обнажённому прекрасному телу. Да её тело было прекрасным, по-хищному гибким, как тело пантеры. Но единственное, что выдавало в ней женщину – это грудь. Полная, налитая, с большим тёмным соском. Место, где была вторая грудь, скрывал широкий ремень, перекинутый через плечо.

Чёрный Дракон слышал о жестоком обычае амазонок – ещё в юном возрасте прижигать одну из женских прелестей, чтобы было удобнее пользоваться луком, однако сэр Келли всегда считал эту традицию легендой. Оказывается, всё оказалось чистой правдой: перед ним стояла одногрудая королева. Узкие бёдра, длинные накаченные ноги и развитые плечи, скорее, подошли бы юноше, чем хрупкой женщине. Но она была амазонкой, женщиной-воином.

Кожаный пояс удерживал на талии тонкий стилет в кованных ножнах. От пояса узкая полоска тиснёной кожи спускалась вниз и проходила между бёдрами, скрывая лоно воительницы. Дэймон зажмурился.

- Что, не нравится? – она рассмеялась. - Я тебя не прельщаю, как женщина?

- Дело вовсе не в этом, Мариса, - промолвил связанный по рукам и ногам рыцарь, - мы немного в неравном положении. Развяжи меня, и я покажу, возбуждаешь ты меня или нет.

- Вот ещё! – хмыкнула королева. - Ты - мой пленник. Я - твоя госпожа, а ты - мой раб. Твоя жизнь в моих руках, а чтобы ты не сомневался, я уравняю нас.

Затем она взяла нож и провела им по своему лицу от брови до подбородка. Кровь тут же хлынула из ужасной раны.

- Я скоро вернусь, - сказала амазонка и вышла.

«Она совершенно безумная», - подумал Дэймон. Его тело сковал страх. Он даже не мог представить, какие пытки его ожидают от той, которая, не задумываясь, нанесла себе серьёзное увечье. Нет, Дракон не страшился смерти. Но он понял, что его участь будет гораздо страшнее. Его ждут позор и унижение. И никакой надежды на спасение. Чёрный Дракон, храбрейший их рыцарей, ни секунды не сомневался, что его судьба предрешена – выйти живым отсюда ещё никому не удавалось, и это тоже была одна из тайн амазонок.

Вскоре королева вернулась. Через всё её лицо проходил страшный, багровый, уродливый шрам. Он не кровоточил. Казалось, что прошло несколько недель после того, как он был нанесён. Легенды гласили, что племя воинствующих дев, кроме всего прочего,

обладает какими-то секретами, способными творить чудеса выздоровления. Сейчас Дэймон стал свидетелем этого.

- Я ещё не закончила, - криво усмехнулась Мариса. – Приступим к самому главному.

Она отошла на противоположный конец комнаты. Вскоре вновь подошла к пленнику. В руке она держала тавро, которым клеймят скот. Оно было изготовлено из витой проволоки, образующей какие-то символы.

- Ты удостоен великой чести, Дэймон, - торжественно произнесла королева амазонок. – Будешь носить моё личное клеймо. На нём написано моё имя, - и с ухмылкой добавила: - Теперь ты никогда не забудешь, что твою хозяйку зовут Мариса. Я и только я буду твоей единственной госпожой.

Затем она поднесла раскалённый до красна прут к правой груди рыцаря и с силой прижала. Жгучая боль пронзила тело Дэймона. «Теперь понятно, почему здесь жарко – в комнате горн», - подумал он, сжав зубы и стараясь не закричать. Во рту почувствовал вкус крови. Резко убрав клеймо, амазонка присыпала ожёг каким-то серебристо-чёрным порошком. Боль не исчезла совсем, но стала менее острой.

- Похвально, похвально, мой раб, - усмехнулась Мариса. – Я буду звать тебя Дхирам, на моём языке это значит «терпеливый». Забудь, что ты когда-то был Чёрным Драконом.

Она осторожно обвела пальцем вокруг клейма.

- Это вскоре пройдёт, - всё с той же усмешкой успокоила она пленника. - Боль должна перемежаться с удовольствием. Сейчас ты получишь немного удовольствия, потом вновь немного боли. Тебе понравится, верь мне. Ты будешь моим особенным рабом. Для развлечений. Это честь для тебя! Не бойся, если ты покоришься, я дарую тебе жизнь.

Она опустила руку на его фаллос и сжала, заставив рыцаря вздрогнуть. После того, что Дэймон вынес минуту назад, ему было совсем не до наслаждений. Однако против его воли фаллос воспрял в руке женщины, а боль действительно стала отступать и вскоре исчезла совсем.

Амазонка внимательно следила за ним, словно ждала чего-то. И вдруг её губы раздвинулись в хищной ухмылке, и кончик языка показался между идеально белыми зубами. Мариса медленно высовывала язык, словно дразнила пленника. Казалось этому не будет конца. Дэймон закрыл глаза, не желая видеть это зрелище.

Ладонь королевы тот час же легла ему на лоб.

- Смотри! – приказала она. – Я не разрешаю тебе закрывать веки! Смотри, раб!

Пленник открыл отяжелевшие веки. Всё кружилось и плыло перед глазами. Ставший вдруг нестерпимо-алым язык амазонки продолжал расти из её рта. Мариса, чуть наклонилась к чреслам Дэймона и самым кончиком нежно коснулась его пениса. Тело мужчины вздрогнуло, как будто жгучее жало змеи прикоснулось к багровому концу. И тот напрягся, поднимаясь, словно воин, готовый к бою. А язык стал извиваться вокруг него, сворачиваясь кольцами, будто змея, и обнимая всю поверхность.

Из уст Дхирама вырвался стон наслаждения. Фаллос словно окаменел, но Мариса продолжала пытку. Конец языка нежно потирал, а кольца, сжимаясь, массировали, двигались то в верх, то в низ. И вскоре мужчина не выдержал, застонав и заскрежетав зубами, выгибаясь насколько позволяли плотные ремни, охватившие его, он стал разряжаться прямо в лицо своей мучительнице.

Затуманенным взором пленник с ужасом увидел, как амазонка тщательно облизала длиннющим языком его семя со своего лица, а потом втянула язык в рот. Это было столь впечатляющее зрелище – громадный язык, достающий до лба и щёк, что Дхирам не мог поверить своим глазам. Страшно кружилась голова, каменные своды комнаты, казалось, качались, обретая размытые очертания, и постепенно удушливой волной накрыла тьма.

- Спи, спи, раб. Проснувшись ты забудешь себя, - прошептала королева, проводя ладонью по лицу пленника.

***

- Миледи, – рыцарь склонился перед графиней Олдридж, - я готов ответить на все ваши вопросы.

Перевязь поддерживала его правую руку. А широкий плащ, подбитый тёмно-зелёным бархатом, скрывал перевязанное бедро. Чёрные волосы непокорными прядями падали на глубокий кровавый шрам на лбу.

Окинув его изучающим взглядом, юная хозяйка замка спросила:

- Где ваш сюзерен? Он погиб?

Когда она произнесла последнее слово её голос дрогнул.

- Я не знаю, миледи…- рыцарь опустил голову. – Всё произошло так стремительно. Сэр Келли бился в самой гуще сражения. Его окружило с десяток амазонок. Поверьте, это страшные воины…

- Женщин вы называете страшными воинами? – перебила его графиня, костяшки напрягшихся тонких пальцев, вцепившихся в подлокотники трона, побелели.

- О, да, миледи, - рыцарь покачал головой, - если бы вы их только видели! Это не женщины. Это самые опасные воины, в которых нет от женщины почти ничего. Поверьте, они сражаются обнажёнными, лишь мечи и щиты да несколько кожаных ремней защищают их тело. Им не ведомы ни стыд, ни страх. Чёрный Дракон бился, как всегда, стойко и храбро. Но его ранили в голову. Последнее, что я видел, как он упал с лошади, уронив меч. Мне тоже пришлось несладко, я отражал атаки пятерых фурий, поэтому не мог пробиться к нему…

- Вы не видели смерти Чёрного Дракона, в таком случае, он может быть жив? – спросила графиня.

- Нет, - рыцарь покачал головой, - вряд ли… но если это и так, то я уверен, сэр Келли попал в плен в замок Марисы, королевы амазонок. А это – верная смерть. Оттуда никто не возвращался живым. Это всё равно, что вернуться из Ада.

- Чёрный Дракон – любимец короля и с недавних пор мой супруг, граф Олдридж, - вновь возразила женщина, - мы можем выкупить его.

- Миледи, - рыцарь посмотрел ей в глаза, - амазонки не берут выкупа и не обмениваются пленными. Многие рыцари короля сгинули у них…

Жестом графиня отпустила рыцаря, и когда он с почтительным поклоном удалился, по её щеке скатилась слеза. Ни жена, ни вдова… ни женщина… Кто она теперь? Сначала её унизил отец, толкнув на фиктивный брак, потом унизил Чёрный Дракон, отказавшийся от неё, как от женщины… А теперь её унизила королева амазонок, похитив у неё, Констанции Олдридж, законного супруга. Маленькие кисти сжались в крепкие кулачки. Ей надоело сносить жалость и унижение! Настало время показать, что она способна отстоять свою честь и честь Олдриджхола. Дэймон Келли - хозяин этих земель, и она, пусть и фиктивная, но его супруга, спасёт мужа из плена. Это её долг. И это превыше всего.

- Велите заложить повозку! – приказала Констанция. – Я отправляюсь к своему дяде.

***

- Добро пожаловать, дитя моё, - статный старик с белой бородой, доходившей ему до пояса, обнял маленькую хрупкую девушку.

Его изборождённое морщинами лицо словно светилось изнутри. Синие глаза под густыми белыми бровями смотрели внимательно, будто проникали в самую душу. Тёмно-синий длинный балахон с широкими рукавами, расширяющими книзу, скрывал его высокую фигуру. Однако стать сквозила в каждом движении. Старик двигался, как юноша.

- Кернунн, мне нужна твоя помощь, - без лишних предисловий начала Констанция, - ты не откажешь мне?

- Я знаю, о чём ты хочешь меня просить, - старик нахмурился и опустился на скамью рядом с племянницей.

- Ты ведь знаешь, он жив? – спросила девушка, не скрывая надежды на положительный ответ.

- Да, он жив… Но лучше бы он умер…

- Я хочу спасти его! – Констанция сжала руку дяди. – Это ведь можно?..

- Дитя моё, - старик поднялся и, сомкнув пальцы за спиной, заходил по комнате. – В мире всё возможно… Только всегда есть цена.

- Цена? Назови её! – голос девушки зазвенел от волнения.

- Возможно, другая жизнь… - пожал плечами старик.

Потом остановился и вновь внимательно посмотрел в лицо племянницы.

- Но ты же - Кернунн, самый могущественный волшебник! Неужели ты не можешь что-то сделать без всяких… без таких условий? – с горячностью спросила она.

- Ты не понимаешь, - он нахмурился, - это не я требую и ставлю условия. Мне не нужно ничего, и будь моя воля, я сам отдал бы тебе всё. Когда-то я поклялся моей возлюбленной сестре, родившей тебя, что буду заботиться о тебе. И видят боги, я не нарушаю своего обещания. Но я всего лишь старый волшебник, посвятивший себя изучению мира. А мир устроен так, что за всё надо платить. И если ты готова на это, я помогу тебе. Только не жди от меня чудес! Чудеса творятся сердцами людей.

- Да, - тёмные глаза девы вспыхнули внутренним пламенем. – Да, я готова на всё!

- Ты любишь его? – удивился Кернунн.

- Я не знаю… - Констанция опустил голову. – В моём сердце столько всего, что я…мне самой сложно понять свои чувства. Но я должна спасти его…

- В таком случае, всё в твоих руках. Однако понимаешь ли ты, чем рискуешь?

- Да, я знаю…- Констанция отвела взгляд, стараясь сдержать подступившие слёзы.

- И ты веришь в свои силы?

- Кернунн, я верю тебе, - она внимательно посмотрела ему в глаза.

- Этого мало, - он покачал головой. – Ты должна верить себе, в свои силы… В то, что живёт в твоём сердце.

- Я верю. И сделаю всё, чтобы спасти его.

- В таком случае я помогу тебе, но ты должна знать, что то, с чем тебе придётся столкнуться, может оказаться ужасным… Ты можешь увидеть не того Дэймона, которого знала.

- Что это значит? – Констанция растерянно смотрела на волшебника.

- Амазонки обладают даром менять людей… Я сам это видел.

-Ты? – её глаза расширились от удивления. – Ты был у них в плену?

- Да, - Кернунн нахмурился, - это было давно.

- И ты спасся?

- Конечно, ведь я имею дар. Их чары надо мной не властны. Но то, что я там видел, навсегда осталось кошмаром в моей памяти. Но не будем об этом, - старик словно отогнал нахлынувшие воспоминания. – Я помогу тебе, но ты будешь испытывать страшную боль, особенно на заре. Ты готова, дитя моё?

- Да, Кернунн, я готова.

***

- А сейчас, - Мариса ухмыльнулась, - сейчас я займусь тобой. Настало время опустошить твой источник жизни.

Она подошла к столику, на котором были разложены всевозможные приспособления. Её выбор остановился на тонком стеке, его рукоятку покрывал изящный орнамент из драгоценных камней. Чуть сгибая упругую вещицу, королева подошла к рабу и плоским кончиком коснулась его лица, провела по безобразному шраму.

- Посмотри, как красиво, - проговорила она, - чудесная работа моих мастеров. Не правда ли – такого не встретишь нигде?

Она продемонстрировала ему роскошную рукоятку, являвшую собой изумительный образчик ювелирного искусства.

- Да, госпожа, - хрипло выдавил раб.

- Я ещё не пробовала его, - её губы вновь искривились, а глаза вспыхнули предвкушением.

Этот огонь уже был хорошо знаком рабу. Дхирам прекрасно знал, что последует за этими осторожными прикосновениями, и сейчас напрягся, ожидая удара. Однако на этот раз всё произошло иначе.

- Садись сюда! – приказала амазонка, указав на резное кресло, в подлокотники которого были вделаны железные крючки и кольца.

Пленник послушался, и королева, заведя его руки за спинку, закрепила их ремнями.

- Отлично, - похвалила она, полюбовавшись на его позу.

Он сидел напряжённо, вены на шее вздулись, а ноздри трепетали при каждом вздохе. Госпожа взяла верёвку и стала оплетать ею его фаллос. Переплетения верёвки стягивались так, что кожа выпирала между ними. Напряжение усиливалось тем, что концы этой перевязи были продеты в кольца на подлокотниках. Получалось - пенис несчастного одновременно растягивался в разные стороны. Сжатые верёвкой «кисеты» распухли и приобрели густо-фиолетовый цвет. Последний виток верёвки отделял их друг от друга. Итак, они одновременно сжимались и растягивались. Дхирам был вынужден затаить дыхание: каждый вздох, вызывал натяжение верёвок и отдавался нестерпимой болью.

- Если ты не будешь двигаться и будешь вести себя, как пай-мальчик, то почти не ощутишь боли, - пообещала королева, обнажив в ухмылке белоснежные зубы.

- И ещё маленький штрих, - с этими словами она застегнула на его шее ошейник, а потом привязала к нему верёвку, скрепляющую весомые мешочки пленника, отчего они оказались подтянутыми вверх.

Это открывало доступ к нежной коже под ними. Королева вновь отошла от своего раба и надела перчатки из светлой кожи, капнув на них какую-то жидкость с приятным ароматом, напоминавшим аромат ландыша, она растёрла её по перчаткам.

- Сейчас ты доставишь мне изысканное удовольствие, Дхирам! – тожественно произнесла амазонка.

Её руки в перчатках стали массировать связанный фаллос. Пленник дёрнулся и, сжав зубы, с силой втянул воздух. Оказалось, что перчатки покрыты крошечными острыми

пупырышками-шипиками. Это вызывало невероятные ощущения боли и возбуждения. Палец королевы то и дело проскальзывал к нежному месту под приподнятыми «кисетами», поглаживал там медленно… Очень медленно… Хищная удовлетворённая ухмылка блуждала по губам госпожи.

Он хотел застонать, но знал, что если не вытерпит, то пытки будут продолжаться всю ночь. Мариса была в них действительно неутомима.

- Если ты выдержишь долго, - усмехнулась госпожа, - я вознагражу тебя. Я умею быть щедрой!

Он знал, что нельзя закрывать глаза и отводить взгляд – Королева этого не любила, поэтому старался сосредоточиться на невидимой точке на противоположной стене. Ему казалось, что в моменты наивысшей боли, когда огненные вспышки озаряли его мозг, он видел какие-то неясные картины. Может, это были образы его прошлого? Обычно они ускользали. Но сейчас он решил во что бы то ни стало удержать картинку – запомнить всё, что возникнет в видениях.

И когда стек, придя на смену пупырчатым перчаткам, со всей силы хлестнул по нежному месту под поднятыми мешочками, он вдруг вспомнил прекрасный сад, благоухавший розами, и нежную деву с глазами испуганной газели. Она смотрела на него взволнованно, то и дело прикусывая пухлую губку.

Не выдержав града ударов, осыпавших его, Дхирам застонал, и хриплый звук, напоминавший вскрик раненого зверя, потряс стены роскошной залы. Всё тело дёрнулось, бёдра задвигались. Горячее семя, скопившееся в его недрах, ринулось наружу, принося долгожданную разрядку. Натягивая оплетающие его верёвки, фаллос, подобно пленённому воину, содрогался в конвульсиях, выплёвывая свой дар, словно оживший вулкан лаву.

***

- Раз готова, то вот, - Кернунн протянул ей изящный флакон, наполненный зелёной жидкостью. – Выпей это. Утром ты почувствуешь, что твои ноги обрели силу. Ты сможешь ходить, дочка. Однако, как я уже говорил, нестерпимые боли будут терзать твоё тело на рассвете.

- Я смогу ходить? – девушка удивлённо с недоверием воззрилась на своего дядю.

- Да, только… - он замолчал, подыскивая нужные слова, и на его лице появилась печаль, - это временно… Эликсир даёт силы ровно на год. По прошествии года ты станешь прежней… Поэтому, дочка, если ты не успеешь вернуться из царства амазонок за это время, то останешься там навек. Я ничем не смогу помочь тебе. Хоть я и самый могущественный чародей, но и мне не всё подвластно. Поэтому, Констанция, я ещё раз прошу тебя подумать. Не слишком ли многим ты готова пожертвовать?

- Дядя, - заговорила юная графиня, - мой отец вверил мне Олдриджхол. Да, я больна, но у меня нет иного выхода. Кто позаботиться о моей земле и о моих людях, если я не верну мужа? Ты же знаешь, король может отдать мою руку другому рыцарю, чтобы тот стал новым графом Олдриджем. Но я не хочу быть пешкой в игре мужчин! В конце концов, целый год стоять на своих ногах – это для меня уже счастье. И если я не смогу спасти моего супруга, то погибну вместе с ним.

Она решительно поднесла к губам флакон и выпила эликсир. Кернунн опустил руку ей на голову.

- Спи, спи, дочь моя, да будет так, - тихо произнёс он, и юная графиня тот час же погрузилась в глубокий сон.

На рассвете она проснулась от сильнейшей боли. Колени ломило, и она не могла даже двинуть ногами. «Ничего не вышло! – мелькнула горькая мысль. – Я не могу даже пошевелиться, а не то что стоять на своих ногах».

- Да, я же предупреждал тебя, - словно подслушав её мысли, отвечал Кернунн, вошедший в комнату. – Выпей это, - он протянул ей чашу с дымящимся напитком. Это придаст тебе сил.

Действительно, едва девушка пригубила жидкость, боль утихла. Констанция села и поставила ноги на пол.

- Дай мне руку, - сказал чародей.

Она протянула ему руку и легко встала.

- Я стою! – воскликнула Констанция и слёзы блеснули на её глазах. – Ах, милый Кернунн, я стою!

- Дитя моё, - старик улыбнулся, - мы не должны терять ни минуты. Ступай за мной.

Они вышли в сад. Там стоял оседланный единорог. Это было прекраснейшее из животных. Снежно белое статное тело, седая грива, заплетённая в косы, и огромные влажные глаза, тёмно-синие, как сумеречное небо, обрамлённые длинными загнутыми ресницами. А на лбу красовался витой острый рог. Констанция буквально застыла, восхищённая этим средоточием грации и затаённой силы. Она осторожно погладила его морду. Единорог доверчиво уткнулся мордой ей в ладонь.

- Это Эол, - с улыбкой сказал Кернунн, - он в мгновение ока домчит тебя до владений амазонок. На границе ты встретишь человека, который проведёт тебя во дворец самой королевы.

***

В огромном зале с высокими мраморными сводами на высоком троне восседала королева амазонок. Голову властительницы украшал головной убор, выполненный из золотых пластин в форме перьев. Эти сияющие перья закрывали сзади её голову и шею, на лбу проходил золотой обод, увенчанный громадным рубином. Сложив на груди руки с кроваво-красными ногтями, Мариса смотрела перед собой. Её лицо, как всегда, было холодным. Мысли и чувства повелительницы оставались тайной за семью печатями.

- О, моя королева, - работорговец в длинных одеждах из коричневого бархата и с высоким белым тюрбаном на голове, склонился в почтительном поклоне, - извольте посмотреть на мой новый товар.

Он указал на девушек, выстроившихся чуть поодаль. Все рабыни были одеты в полупрозрачные одежды, почти не скрывавшие их прелестей. Лёгкие вуалевые палантины, расшитые точно паутиной золотыми нитями, были наброшены на пятнадцать прелестных головок с опущенными долу очами.

Зелёный властный взгляд королевы внимательно скользнул по девушкам и замер на одной из них.

- Ты, - Мариса указала пальцем на рабыню, - подойди!

Девушка, изящно покачивая бёдрами, покорно исполнила приказание, замерла, склонив голову.

- Разденься! – вновь приказала королева.

И рабыня начала раздеваться. Сначала она сняла длинную голубовато-зелёную тунику из тончайшего шёлка, сверкавшего золотой вышивкой. Обнажённая высокая небольшая грудь, с розовыми, точно нераспустившиеся бутоны роз, навершиями открылась королевскому взору. На тонкой талии был повязан узкий поясок, поддерживающий полупрозрачные зелёные шальвары. В глазах королевы вспыхнул сладострастный огонь, и полуулыбка тронула губы.

А девушка, одним лёгким движением развязав на талии золотой шнурок, грациозно выступила из слетевших штанишек. Её изумительно нежное тело, не скрытое уже ничем, предстало перед очами королевы амазонок.

Мариса сошла с трона и подошла к юной рабыне. Взяв за подбородок, приподняла её лицо и заглянула в глаза. Тёмно-карие с золотыми искорками, они не отвели свой взор, прямо и открыто встретились со сверлящим взглядом королевы. Та медленно провела пальцем по грудкам девушки, едва касаясь, дразня, обвела ореолы и потом пощипала соски. Маленькие груди с крупными сосками, казалось, молили о ласках. Они трепетно отозвались на прикосновения Марисы, соски припухли и отвердели. Королева ухмыльнулась, развернула девушку спиной к себе и погладила пухленькие ягодицы. Юная плоть была упругой.

- Да, пожалуй, я оставлю её, - сказала Мариса, продолжая скользить взглядом по девушке.

Она пристально рассматривала новую игрушку, изучая её, отыскивая возможные изъяны. Но их не было! Ни одного, даже самого крохотного изъяна! Красива, бесспорно, красива. Кожа нежная, словно восточный шёлк, так и манит прикоснуться. Ни единого волоска! А эта родинка на правом плече… Искушение для глаз и мыслей, желание для тела! Пожалуй, слишком мала и хрупка. Но тем лучше – она будет покорна. Можно легко укротить эту юную газель.

- Отведи её, - королева выразительно переглянулась с амазонкой, - а этих – как обычно.

- Моя королева, этот бутон ещё не расцвёл, - сказал работорговец, подобострастно улыбаясь.

- Да? В самом деле? - брови королевы удивлённо изогнулись. – Ну, тогда она станет моей любимицей, украшением моего гарема, - она усмехнулась и добавила: - Если, конечно, выкажет покорность и послушание. Маленький невинный ландыш, как зовут тебя? – спросила она девушку.

- Пушпа, моя королева, - с почтением отвечала та, не отводя глаз.

- Цветок? Ха! Я угадала! – Мариса засмеялась. – Ты и, правда, похожа на цветок, - она подошла и, приподняв лицо рабыни за подбородок, заглянула ей в глаза. - Маленький цветочек, который завянет, если я захочу этого, - добавила тихо, словно прошипела.

Едва работорговец и рабыни удалились, амазонка – одна из самых приближённых к королеве особ, скромно сидевшая у трона властительницы – осторожно спросила:

- Моя королева, вы что-то задумали?

- Виджая, ты проницательна, - усмехнулась Мариса. – Ты прекрасно знаешь наш обычай. Семя самого заклятого врага, растёртое по телу, дарует вечную молодость и несокрушимую силу. Но, Виджая, мне мало этого! – королева опустила сжатый кулак на подлокотник трона и, сверкнув глазами, заявила: - Пора подумать о наследнице. Он станет отцом дочери, которая когда-нибудь сокрушит Бригитанию. Тебе ли не знать пророчества?! Древние книги богини Свартши гласят: «Королева амазонок, рождённая от самого заклятого врага, превратит Амазонию в самое могущественное государство». Что же касается этого цветочка… - Мариса сделала паузу, задумалась на мгновение и твёрдо закончила фразу: - Она вполне сможет стать матерью… Наша принцесса родится истинной королевой, унаследовав красоту от матери, а силу и храбрость от отца…

- Но, моя королева, быть может, ещё не всё потеряно? – возразила та, имя которой на языке амазонок означало «победа». – Мы отправим гонцов во все уголки мира и найдём чародея, который поможет тебе самой понести.

- Нет, - отвечала Мариса, качая головой, – моё бесплодие – это дар. Зачем сносить тяготы материнства, когда можно иным способом заполучить наследника? – королева усмехнулась и продолжала: - Моя стихия – война и пир, меня вовсе не прельщает стать толстой плаксивой гусыней, - её губы брезгливо изогнулись. - Если родится девочка, когда-нибудь она унаследует мой трон. Ну, а если судьба не будет милосердной и пошлёт мальчишку, он умрёт по обычаям предков. Бессмертная Свартши примет жертву. А мы поищем другую претендентку. Пока же решено, я сама подготовлю цветочек! – Мариса засмеялась. – Это будет приятное занятие.

- О, повелительница, - опять заговорила Виджая, - но почему бы вам не обратить ваши мысли на истинную амазонку? Вы не думаете, что наследница может родиться хрупкой, как её мать?

- Ах, моя Виджая, - королева покачала головой, - принцесса станет истинной амазонкой, потому что её взрастим мы. Увы, мы не можем остановить выбор на одной из наших дев. Он не примет ни одну из нас, так, как сможет принять её. Я слишком хорошо знаю Чёрного Дракона, мне ведомы его вкусы. Дитя же, будущая королева, должна быть зачата в настоящей страсти. Не в принуждении, Виджая, не в принуждении… - властительница погрозила указательным пальцем и продолжала рассуждать: - Конечно, я

могу воспользоваться чарами, как пользовалась ими до сих пор. Но по завету Свартши зачатие наследницы престола Великой Амазонии должно происходить в истинной страсти. Сейчас его память чиста, словно свежий лист пергамента, а его вожделение доведено до крайности. Если сейчас он увидит эту прелестницу, семя взыграет в нём. Его будет много, и оно даст прекрасные всходы.

- Но, моя королева, - опять вступила Виджая, - а как же священный обряд зачатия? Неужели вы откажитесь от него?

- Конечно, нет! – твёрдо отвечала Мариса. - Обряд совершится по всем правилам. Твоя королева будет участвовать в ритуале, поэтому, милая Виджая, не тревожься – мы не нарушим завет богини. Ступай, прикажи отвести девушку в мои покои, - распорядилась она.

С поклоном удалилась привыкшая побеждать. На её правильных чертах застыло странное выражение, словно какая-то затаённая мысль не давала покоя амазонке. Подозвав к себе прислужницу, она что-то шепнула ей на ухо.

***

Пушпу вели по длинной узкой лестнице, ведущей в подземелье. Сырой воздух пах плесенью. Вокруг было так темно, что, если бы не свет тусклого фонаря, который несла амазонка, девушка просто не смогла бы двигаться в этом затхлом, замкнутом пространстве, никак не походившем на великолепие самого дворца, возведённого рабами-ремесленниками. Сами амазонки умели только воевать. Но из разных концов света они захватывали или покупали в рабство искусных мастеров, которые создавали всё богатство города дев-воительниц. Убранство королевского дворца сияло от золота и драгоценных камней, ослепляло полированным мрамором, а здесь, в подземелье, всё походило на саму преисподнюю.

- Куда меня ведут? – осмелилась спросить Пушпа у стражницы-амазонки.

- Молчи, если тебе дорога жизнь, - был ей ответ.

И вдруг её резко толкнули в сторону, в тёмный провал в стене. Она упала и едва успела подняться, как поняла, что за ней захлопнулась тяжёлая дверь. Темнота поглотила деву. Ужас сковал её так, что она не имела сил даже закричать, у неё перехватило дыхание. Девушка с детства боялась темноты и замкнутых пространств. И сейчас едва не потеряла сознание от охватившего её страха. Но ей нельзя было лишаться сил, в её положении это было бы роскошью. Она должна, должна двигаться! Во что бы то ни стало! Вопреки страху.

Он потерял счёт дням. По ощущениям, прошла целая вечность. Хотя он точно знал, что когда-то был другим человеком. Единственное, что владело им изо дня в день – желание. Он хотел встречи с женщиной, жаждал напиться ею, как истомлённый путник в пустыне жаждет испить воды. Она приходила к нему во снах, маня улыбкой. Он брал её, как голодный зверь, грубо вонзался восставшим фаллосом, врывался в тесные недра. Она кричала под ним, извиваясь, царапала его плечи, старалась вырваться. Но вскоре затихала, покоряясь его натиску, и уже старалась двигаться в унисон. Он ощущал, как стройные длинные ноги сжимают его талию. Их языки сталкивались в неистовом противоборстве поцелуя. Но всякий раз он просыпался, не взойдя на вершину.

Дхирам пришёл в себя от скрипа обитой железом двери. И вмиг опять всё стихло. Однако – он это понял по едва уловимому дыханию - в его темнице кто-то был. Хорошо, что сегодня он не подвешен на цепях, хотя его руки в оковах, но он сможет защищаться, если к нему подослали убийцу. Цепь была достаточно длинной. Уловив осторожное движение, он кинулся туда и схватил вошедшую женщину. Она вскрикнула и попыталась вырваться, забившись в тисках его рук, но он зажал её рот ладонью и пригвоздил девушку к стене.

- Молчи, - прохрипел он, - иначе я сверну тебе шею.

Она попыталась что-то ответить, но он не хотел слушать. Он хотел её. Прикосновение к упругому юному телу разбудило в нём зверя. А ещё её запах! Он сводил с ума, заставляя терять самообладание. Второй рукой мужчина рванул ворот шёлковой туники. Разорвав ткань, принялся мять маленькие груди. Она дёрнулась и укусила его в ладонь, которая зажимала ей рот.

- Ах, ты тварь! – вскипел Дхирам и впился в её рот.

Он укусил её до крови. Девушка вскрикнула, и он почувствовал, как по её лицу потекли слёзы. Она вырывалась, царапая его ногтями, но сопротивление ещё больше заводило его. Вот она, амазонка, барахтается под ним, как обычная девка из таверны. Его буквально трясло от вожделения. Он содрал с неё остатки одежды, прижал к холодной каменной стене, раздвинул стройные бёдра и одним резким движением насадил на себя. Дикий душераздирающий крик потряс стены подземелья. И сразу его добыча затихла и повисла на нём.

-Дьявол! – выругался он.

Дхирам почувствовал, как ворвался в нетронутое маленькое лоно, и кровь потекла по его чреслам. Он вышел из неё и осторожно опустил на солому, сваленную в углу. Оторвав лоскут от изорванной туники, принялся вытирать ей бёдра. Судя по её одежде и хрупким формам, она не амазонка, а обычная рабыня. Впрочем, не обычная. На ней красивые одежды. Но главное - он никогда не встречал такой нежной кожи. Гладкая, как мрамор, и бархатистая, как лепестки розы. Под его ладонями её груди оживали, он ощутил, как напряглись соски. О, нет! Это выше его сил! Её тело, отвечавшее вопреки её воле на его ласки, лишило его последних остатков самообладания. Склонив голову, он осторожно скользнул языком по сосочку. Потом охватил его губами и принялся сосать. Он жадно сжимал губами этот напрягшийся бутон, ласкал его языком и втягивал в себя, будто надеялся вкусить молочное блаженство.

Вдруг она пришла в себя и, застонав, дёрнулась.

- Не бойся, - хрипло промолвил он, отрываясь от сладкого соска, - я не сделаю больно…

Слабый закатный луч пробился в крохотное оконце и упал на лицо Пушпы.

- О, святой Дамиан! – выдохнул Дхирам, придя в себя.

Только сейчас он увидел её глаза. Широко распахнутые, переполненные через край слезами, они смотрели на него с выражением неизъяснимого ужаса. Её лицо, бледное, с искусанными им пухлыми губами, было ему знакомым. Он где-то уже видел этот нежный овал подбородка, трогательные, почти детские щёки, с тенью длинных ресниц, лежащих на них, и маленький прямой нос. И вдруг в его сознании словно вспышка, возникло имя – Констанция. Её зовут Констанция!

Вдруг она очнулась от оцепенения: громко всхлипнула и резко села, прикрывшись руками, забилась в угол. Её трясло.

- Я не трону тебя, - сказал Дхирам.

- Зачем ты это сделал? – всхлипнула она, покачиваясь из стороны в сторону. – Зачем ты это сделал?! – повторила, точно безумная.

Рыдания душили её, и она содрогалась от них, удерживая трясущимися руками ткань на груди.

Внезапно со скрипом распахнулись двери, и в темницу вошли четыре амазонки с мечами на поясе. Едва бросив на Пушпу взгляд, одна из воительниц, по виду - более старшая, тут же сделала знак, и двое стражниц, схватив под руки Дхирама повели его прочь из темницы.

- О, госпожа! – Пушпа кинулась в ноги старшей амазонке. – Куда его повели?

- Хм, сладко тебе с ним было? – злая усмешка исказила суровое лицо девы-воина. – Не тревожься, это не твоя печаль.

Две стражницы, подняв девушку с колен, тоже вывели её в тёмный коридор.

***

- Кто посмел?! – Мариса, словно раненая пантера металась по комнате. – Кто посмел отправить её туда?! – зелёные глаза повелительницы сверкали, как отточенные мечи.

- Моя королева, - Виджая избегала смотреть в зелёные глаза, метавшие молнии, старалась не встречаться с испепеляющим взором Марисы. – Я лишь передала ваш приказ отвести рабыню в ваши покои. Стражницы, исполнявшие этот приказ, уже наказаны.

- И что?! – опять вскричала Мариса. – Что это меняет?! Я хочу знать, почему они ослушались меня! Приведите их немедленно!

- Но это невозможно, моя королева, - голос Виджаи дрогнул.

- Почему?! – костяшки королевских пальцев, сжавших рукоять меча, висевшего на поясе, побелели.

- Они казнены, как и подобает… Всякий, нарушивший ваш приказ, наказывается смертью. Согласно закону Свартши, - Виджая почтительно поклонилась.

- Закон?! Закон! – Мариса еле сдержалась, чтобы не кинуться с кулаками на свою советницу. – Мне кажется, Виджая, это заговор…

- Моя королева, вы… обвиняете меня? – амазонка прямо посмотрела в побледневшее лицо королевы, но её собственное лицо тоже стало похоже на мел, даже тонкие губы сжались в бледную линию.

- Нет, о, нет, - Мариса усмехнулась, но в её глазах блеснул клинок, - тебе я верю. Но… скажи, кто мог подслушать наш разговор о планах на Пушпу?

- Я не могу знать этого…

- Так узнай! Узнай, Виджая! – Мариса вновь сорвалась на крик. – И клянусь, если ты в ближайшие дни не найдёшь заговорщиков, ты сама ответишь мне!

- Да, моя королева. Я могу удалиться?

- Нет, постой! Мои планы остаются в силе – Пушпа станет матерью наследницы престола.

- Но… Моя королева, - Виджая замялась, - ведь она… Дхирам изнасиловал её.

- Ну и что? – Мариса усмехнулась. – Свартши не завещала, что матерью ребёнка должна быть девственница. Подумай сама, что, если бы могла зачать я? Ведь я давно лишилась девственности. Это качество не имеет значения. Пушпа по-прежнему подходит на роль матери. Тот, кто толкнул её к нему в темницу, просчитался, - Мариса зло

рассмеялась, и вновь приказала, взмахнув рукою: - Ступай, позаботься о церемонии. Пусть всё приготовят, как того требует завет Свартши.

Констанция сидела в маленьком бассейне с тёплой водой, ласкавшей её порозовевшее от купания тело. Пока чернокожая служанка мыла её косы, девушка размышляла. Уже несколько дней она в стране амазонок, а с ней обращаются, как с принцессой. Дважды в день она купается, эрилопка, дочь далёкого континента Эрилопии, попавшая в рабство к амазонкам, умащивает её тело благовониями. Чем-то смазывает волосы, ополаскивает их в отварах каких-то трав. Никогда она не ощущала такой лёгкости в ногах и совсем позабыла о своём недуге, лишь на рассвете страдала от боли, которая, впрочем, постепенно отпускала её.

Что ждёт её? Ах, если бы только она могла узнать это и могла увидеть, хоть издали, Дэймона! Она не может забыть их жуткую встречу в темнице. Благородный воин сэр Келли, её супруг, превратился в насильника. После того, как его увели стражницы, они не виделись. Констанция пыталась хоть что-то разузнать о нём у служанки, но эрилопка, чёрная, как сама ночь, была нема. Она лишь улыбалась, показывая крупные белые зубы, и покачивала головой.

Констанция с болью вспоминала то, что он сотворил с ней. Но вместе с тем она и не думала отказываться от своего замысла: во что бы то ни стало она должна спасти графа Олдриджа из плена. Она вспоминала его лицо, искажённое болью, когда он смотрел на неё. Раскаивался ли он в содеянном? Девушка не находила ответа на свой вопрос, однако чувствовала, что прежний сэр Келли, Чёрный Дракон, которым он был прежде, неспособен обидеть женщину. «Это амазонские чары превратили его сердце в камень» - размышляла Констанция.

Благодаря Кернунну, передавшему её в руки работорговца, она смогла попасть в сердце Амазонии – дворец королевы Марисы. И теперь, пусть даже ценой своей жизни, должна спасти супруга. Юная графиня прекрасно понимала, что её ожидает много испытаний, но её сердце не имело страха. Что ж, если она не сможет вызволить Дракона, то погибнет вместе с ним. Так решила смелая девушка.

Конечно, она не могла знать, что в этот самый момент Дхирам, сэр Дэймон Келли тоже купается. Он и сам не мог поверить в эти перемены. Мариса перестала играть с ним, истязая его, и каждый день его приводили в бассейн, где чернокожая рабыня растирала всё его тело приятно пахнущими маслами. Раны от пыток зажили. Но душа продолжала стенать.

Всё это время он думал о той девушке, которая оказалась в его темнице. Да, он помнил её лицо. Но совершенно не помнил, кто она, и почему он знает её имя. Однако его сердце сжималось всякий раз, едва он воскрешал в памяти их встречу. Как он мог?! Никогда он не был насильником и вот стал им по вине чар амазонок. Где она сейчас? Что они сделали с хрупкой девой? Воображение рисовало ему сцены пыток, через которые прошёл он сам. И Дхирам сжимал кулаки, не в силах сдержаться. Он поклялся себе - во что бы то ни стало спасёт маленькую рабыню, которая проникла в его сердце. Её глаза, полные боли и отчаяния, стояли перед его мысленным взором, и этот взгляд он знал в своей прежней жизни.

Однажды его повели куда-то. На этот раз он не был в оковах. Вокруг чресел мужчины была обёрнута красивая, расшитая золотом, белая шёлковая ткань. А его чистая кожа источала какой-то незнакомый приятный аромат. Несколько амазонок, облачённых в длинные белые одежды с капюшонами, закрывающими их лица, вели его по длинной галерее. Повсюду горели факелы, закреплённые на стенах, откуда-то звучали глухие звуки, напоминающие удары барабанов.

Дхирама привели в огромный зал, стены которого облицовывал чёрный мрамор. В самом центре на полу был очерчен золотой круг. Дхирама поставили в середину круга. Жрица в белых одеждах, с лицом, скрытым капюшоном, подошла к нему и стала читать какие-то заклинания на непонятном языке.

- Свартши деневат! Свартши деневат! – то и дело восклицала она, воздевая вверх руки, и десятки амазонок в белых балахонах, выстроившиеся вдоль стен, повторяли её возглас и падали ниц.

Произнеся заклинания, жрица вдруг взяла горящий факел и поднесла его к золотой линии круга, в котором стоял Дхирам. В мгновение ока пламя встало сплошной стеной, отгородив Дракона от всего, происходящего в зале. Закрыв глаза, он стал прощаться с жизнью. Но вдруг почувствовал, что жар исчез. Перед ним предстала иная картина. Он стоял у высоких золочёных дверей, двери распахнулись, и теряясь в догадках, Дхирам шагнул в них. Он оказался в просторной комнате. Гладкий, из полированного мрамора, пол был устлан шерстяным ковром. Едва раб вступил на него, как его подошвы погрузились в мягчайший длинный ворс, лазурно-синий, словно весенний небосвод.

Дхирам осмотрелся, поражаясь простору комнаты. Здесь почти не было мебели. Лишь в самом центре, на золочёном постаменте возвышалась кровать под лёгким полупрозрачным балдахином. Ложе было столь велико, что больше напоминало корабль, плывущий по волнам с развевающимися парусами. Огромное зеркало во всю стену было установлено напротив ложа. В нём отражалось всё, происходящее на кровати, и блики от зажжённых повсюду свечей. Пламя плясало яркими языками, а воздух полнился благовониями.

Вдруг чья-то рука легла ему на плечо. Вздрогнув, Дхирам обернулся и увидел королеву. Обнажённое смуглое тело поражало своей грацией дикого зверя. Одну грудь королевы скрывал широкий ремень. А вторая, крупная, с тёмным соском, упруго подпрыгивала при каждом движении повелительницы. На этот раз её светлые волосы свободно сбегали прямыми прядями по широким плечам, и это шло ей, было необыкновенно женственно. Амазонка играла роль простой женщины.

- Не бойся меня, Дхирам, - улыбнулась она непривычно приветливо.

Он мог бы поклясться, что черты её лица стали более мягкими от этой улыбки. Но он насторожился – уж очень непривычным было это выражение на лице Марисы.

- Да, не бойся, - повторила она, продолжая улыбаться, - королева всегда заботится о своих любимых рабах, - Мариса обошла вокруг него и положила ему на грудь ладонь. - Ты принёс мне много приятных минут, и я решила вознаградить тебя. Мне кажется, ты оценишь мой подарок.

С этими словами она притянула его голову к себе и поцеловала в губы. Это был крепкий поцелуй, но в нём не было страсти. Её зык скользнул ему в рот, и у Дхирама закружилась голова. Мариса оторвалась от его губ и потянула его на ложе.

- Приляг, - с усмешкой сказала она, - забудь обо всём, мой Дхирам. Сегодня я подарю тебе рай.

И неожиданно он почувствовал, что стал совершенно спокоен. Напряжённость исчезла. Он почти поверил королеве, что его ждёт наслаждение. Ладони королевы с длинными сильными пальцами заскользили по его груди, заставляя его расслабляться. И вскоре он лежал на спине, раскинув руки, а королева продолжала гладить его, то и дело осторожно проводя кончиками пальцев по внутренней поверхности его бёдер, своей грудью с напряжённым соском, задевая его то тут, то там. Потом её пальцы ласково обхватили его напрягшийся фаллос. Дхирам вздрогнул – он помнил, что обычно следовало за этим прикосновением.

- Тсшш, - протянула королева, улыбаясь, - сегодня всё будет иначе, - сказала она и кончиком языка провела по своей верхней губе.

Вдруг он увидел обнажённую девушку. Её молочно-белая кожа оттенялась дивными тёмными кудрями, рассыпавшимися по спине и плечам точно шёлковое покрывало. А тёмно-карие глаза лучились золотыми искорками. Он узнал её, это её имя не давало ему покоя с тех самых пор, как он познал её в темнице, это её глаза он помнил. Дхирам хотел вскочить, пасть на колени, чтобы молить деву о прощении, но тело не слышало его разума. Его тело жило своей особенной жизнью. Под умелыми неутомимыми руками амазонки его фаллос напрягся и стал расти.

- Посмотри на неё, - проговорила Мариса, на мгновение прекратив ласки, - я дарю её тебе, - и обращаясь к юной красавице приказала: - Поди сюда, моя Пушпа, - она указала рядом с собой на ложе.

Дева послушно скользнула на указанное место и присела рядом с Дхирамом, поджав стройные ножки. Он уловил тонкий аромат, исходящий от неё. И у него закружилась голова, руки сами собой потянулись к красавице. Он взял её за руку. Девушка испуганно вздрогнула, испуг же читался и в её взгляде. Она насторожилась, но всё-таки не отняла свою руку.

- Да, Дхирам, - с улыбкой кивнула королева, - она твоя, я знаю, она нравится тебе, - голос Марисы звучал вкрадчиво, он словно очаровывал мужчину, заставляя слушать и не думать о своём. – Бери её, Дхирам! – внезапно приказала Мариса. – Бери, как ты только хочешь, но не спеши. Не думай ни о чём! Наслаждайся! Но для начала, - Мариса потянулась к столику, стоявшему возле ложа. Взяв в руки два бокала с какой-то искрящейся синеватой жидкостью, в которой взлетали пузырьки воздуха, она протянула один Дхираму, а другой Пушпе.

- Выпейте это! – приказала королева. – Это сделает вас неутомимыми, я хочу, чтобы вы узнали истинный Рай. Это напиток богини Свартши. Пейте!

Дхирам сел, вытянув ноги, и послушно принял протянутый бокал. Пушпа последовала его примеру. И повинуясь приказу, они разом осушили бокалы. Дхирам обнял девушку, губами нашёл её рот. Её свежее дыхание словно опьянило его. Он позабыл обо всём и жаждал лишь сполна познать блаженство от юной девы. Мягкие тёплые губы раскрылись, пропуская его язык. И пока он наслаждался поцелуем с красавицей, руки Марисы продолжили путешествие по его спине. Застонав, от

нахлынувшей страсти, мужчина ласковыми дразнящими движениями языка скользил по губам юной Пушпы, а его рука нашла её нежную маленькую грудь и принялась сжимать упругое тело. Потом его рот переместился к розовому соску. И едва взяв его своими губами, Дхирам застонал. Блаженство горячим вином разлилось по жилам, опьяняя, заставляя терять голову.

Вскоре затуманенным взором он увидел их отражения в зеркале. Королева, склонившись к его чреслам, ласкала языком его восставшую плоть, а он без устали целовал прекрасную девушку, отвечавшую на его поцелуи. Вдруг она чуть приподнялась, и его пальцы скользнули ей между бёдер. Он едва дотронулся до холмика и пальцами проник дальше, в святая святых. Пушпа протяжно застонала, отдаваясь его смелым рукам. Он отыскал её маленькую жемчужину стал осторожно поглаживать её, а потом стал проскальзывать пальцами в истекающее пространство.

- Попробуй её, Дхирам, вкуси её, - опять приказала королева, отрываясь от него.

Она жестом велела девушке лечь на спину, и сама раздвинула её бёдра. Опустив лицо к разведённым точёным ножкам, Дхирам осторожно лизнул припухшие створки девичьего лона. Она вздрогнула и застонала. Он, опьянев от её вкуса, изголодавшийся, принялся собирать языком пряно сладкую влагу, втягивал губами припухшие лепестки, посасывал крошечный бубенчик, который твердел и наливался с каждым мгновением. Искусный язык мужчины буквально порхал по маленькому сокровищу девушки, а все чувства Дхирама превратились в пылающий поток.

Мариса же, переместившись к голове Пушпы, осыпала мелкими, лёгкими поцелуями её лицо и грудь. Девушка вскрикивала под этими двойными ласками, которыми одаривали её буквально со всех сторон. О, да! Констанция никак не ожидала, что наслаждение будет на грани боли. Внутри огненный смерч разрастался, охватывая её тело, и грозил вырваться наружу. Кусая губы, она пыталась сдержать свои стоны, но это ей не удавалось. Теряя разум, юная графиня Олдридж ринулась в огненную реку страсти.

И когда она принялась извиваться и молить о большем, Дхирам вдруг охватил руками её колени, устроился между ними и одним толчком вошёл в узкое лоно. Красавица вскрикнула. Они оба не заметили, как королева осторожно покинула ложе и удалилась с довольной ухмылкой. Он вскинул девичьи ноги себе на плечи и стал раскачивающими движениями продвигаться в самую глубину горячего грота, плотно охватившего его плоть. Она стенала под ним, даря ему невероятные ощущения. Дракон ещё никогда прежде не имел дела с таким уютным тугим местечком и вскоре излился любовным эликсиром, оросив им лоно Пушпы.

В этот момент в сознании Дхирама одна за другой пронеслись картины его прошлой жизни. Лицо исказилось мукой, издав звук, напоминающий рык раненого зверя, не выходя из лона, он рухнул, сжимая девушку в объятиях.

- Констанция, любовь моя, - хрипло выдохнул, закрывая глаза и подминая её под себя.

И та, к которой были обращены эти слова, прильнула к его могучей груди.

***

В дремучем лесу было сумрачно. Густой туман висел точно молочное облако, и лишь кое-где сквозь него проступали очертания деревьев. Констанция стояла, ощущая босыми ногами ковёр из опавших листьев и сосновых иголок. Высохшие иголки покалывали маленькие ступни, и было холодно. Девушка охватила себя руками. Оказалось, на ней совершенно нет одежды. Холодный и влажный туман заставлял обнажённую кожу покрываться мурашками. Соски отвердели, заострившиеся вершины грудей вздёрнулись, будто мордочки лис, учуявших запах добычи. Констанция шагнула вперёд, надеясь выйти из плотной пелены, но тщетно – туман окутывал её, как кокон. И ни звука…

- Иди! – вдруг прозвучал знакомый голос. – Иди, не бойся!

Это был голос Кернунна. Он доносился словно из ниоткуда.

- Где ты?! – Констанция подняла голову вверх, желая увидеть небосвод: ей показалось, что голос дяди-волшебника раздался с высоты. – Я не вижу тебя.

Там, где сквозь кружево листвы ожидала увидеть кусочек неба, не было ничего, лишь серый, унылый туман.

- И не надо. Просто сделай шаг! – голос лился отовсюду, а может, просто возникал в голове.

- Мне страшно! – она едва сдерживалась, чтобы не заплакать.

Это было так странно – Констанция никогда не проявляла столь бурных эмоций, сейчас же чувства переполняли её настолько, что она сама удивилась. И в данный момент все её ощущения сосредоточились лишь на холоде и безотчётном страхе.

- Разве? – голос Кернунна усмехнулся. – А мне казалось, ты смелая. Ты ведь обещала спасти Дракона.

- Да, я обещала. Но мне холодно! – опять возразила она, поёживаясь от колючего холода. – Где я? Покажись!

Она вновь запрокинула голову и на этот раз увидела лицо дяди-волшебника. Оно выступало сквозь туман и висело над пологом леса.

- Там, где встречаются души, в перекрёстке миров, - ответил Кернунн, глядя на неё своими пронзительными синими глазами, взгляд которых словно читал её душу, как раскрытую книгу. - Ты можешь согреться, если отбросишь страх. Он сковывает твоё сердце.

- Но я ничего не вижу, вокруг меня туман! – воскликнула она, рассердившись на него.

- Ты не должна смотреть, но должна видеть и знать, - вновь сказал Кернунн и нахмурился. – Отбрось сомнения и страх, забудь о холоде. Тогда ты увидишь всё, что захочешь. В тебе живёт жизнь. Она спасёт тебя и твоего супруга, если ты спасёшь её, и помни, что ты должна посмотреть в глаза огню, - и он добавил громко и твёрдо, почти приказывая: - Иди! Иди, дочь моя! – лицо Кернунна пропало.

- Посмотреть в глаза огню? – она огляделась, вновь ища волшебника. – Что ты хочешь сказать?! В чьи глаза?! Ответь!

Но ответа не было, и тогда девушка зажмурилась и шагнула по колкому лесному ковру. Боль свела ноги, застонав, Констанция упала и… проснулась.

Она лежала на высоком ложе под голубым, расшитым золотом, пологом. Ноги действительно ломило так, что она не могла двинуть ими. Это не было обычной утренней скованностью, приходившей к ней с каждым рассветом. Сейчас все её чувства обострились. Боль стала просто нестерпимой, преодолевая её, Констанция села, застонав, и огляделась. Кажется, её вчера привели сюда, в эту роскошную комнату, больше похожую на залу. И… Что было вчера? Она потёрла пальцами виски, стараясь вспомнить прошедший день. Сначала эрилопка искупала её… потом уложила её волосы, вернее, расчесала их так, что локоны свободно падали ей на спину лёгким плащом… А потом… О, да! Её привели сюда и… Боже! Она была с Дэймоном!

Констанция дотронулась кончиками пальцев до своих губ. Он… он целовал её! Безумие… Разве Дракон любил её? Тогда, в их первую ночь она лежала с ним на одном ложе, и он отверг её. А прошедшей ночью он ласкал её так, что сердце пускалось бежать вприпрыжку. Её тело до сих пор ощущает его горячие, обжигающие поцелуи, прикосновения сильных рук и ласки там, в её нежном средоточии женского желания. Она до сих пор чувствует его язык, порхающий по мокрым губкам, играющий с набухшей жемчужиной, и его терпкий, мускусный запах, оставшийся на её теле.

Констанция покраснела от своих воспоминаний. Прижав ладони к пылающим щекам, подумала: «Он не узнал меня… Если бы узнал, то … то никогда бы не овладел мною». Это было умопомрачение, как и тогда, в темнице, когда он накинулся на неё, словно одичавший безумец, одержимый животным инстинктом. Она слишком хорошо помнила его слова в ночь после свадьбы: «Я обещал это вашему отцу…». Но тут же она вспомнила его слова, произнесённые нынешней ночью. Он назвал её по имени! И кажется, сказал, что любит… Правда ли это? Можно ли ему верить? Или это всего лишь чары амазонок, о которых её предупреждал Кернунн?

- Ах, только бы память вернулась к нему, - мысленно молила бедная графиня.

А сейчас необходимо действовать. Нужно отыскать Дракона и поговорить с ним. Нет, конечно, же она не собирается бросаться к нему в объятия… По правде сказать, она не верила в его чувства. Слишком хорошо помнила истинного Чёрного Дракона, ставшего новым повелителем Олдриджхола. Он женился на ней по расчёту, и она ни за что не поверит в его любовь. Но спасти его – её цель. И она, графиня Ордридж, не собирается сворачивать с намеченного пути. Взяв покрывало, лежавшее на спинке кровати, девушка обернулась в него и осторожно встала на ноги.

Странно, но боль прошла полностью, Констанция сделала шаг, другой и приоткрыла двери. Они оказались незапертыми! В длинном тёмном коридоре, где по стенам горели редкие факелы, никого не было. Она выскользнула в коридор и двинулась вдоль стены.

Внезапно звук шагов долетел до неё. Она быстро вернулась в комнату и чуть приоткрыла двери, прислушалась. Двое рабов — мужчина и женщина, одетые в длинные белые туники — прошествовали мимо.

- Ну вот, теперь королева довольна, - заметил высокий черноволосый юноша со скуластым лицом, - эта маленькая рабыня точно подарит ей наследницу.

- А нам-то что? – усмехаясь, рыжекудрая, полноватая и тоже высокая девушка пожала плечами. – Нам ведь хуже.

- Хуже? – не понял он и взглянул на неё с недоумением.

- Конечно! Посуди сам, сейчас все дары будут ей, этой Пушпе. Она станет фавориткой в гареме. А мы отойдём на вторые роли. Или нас отдадут другим амазонкам. Тебе это надо, Аниш?

- Мне всё равно, Редудьян, - он пожал плечами. – Ты прекрасно знаешь, как ласкает королева мужчин… Так что я только выиграю от этого, - он засмеялся. – Меня не будут бичевать несколько раз в неделю и, может, наконец, снимут пояс верности. Игры королевы не для меня. Конечно, со мной она не столь жестока, как со своим любимцем Дхирамом – говорят, его она просто истязает, но всё же выносить и дальше ласки Марисы у меня нет ни сил, ни желания. Я хочу жить спокойно, без этих жестоких изысков, до которых так охоча Мариса.

- Ну, как знаешь… Если бы ты не был таким трусливым, то мог бы сам стать отцом принцессы. Положение отца наследницы несравнимо лучше положения простого раба, - рыжеволосая засмеялась и вдруг, став серьёзной, добавила: - А я не смирюсь! Если она встанет на моём пути к сердцу королевы, я сама заберу её жизнь.

И видя изумление, промелькнувшее в лице своего собеседника, с игривой усмешкой, вздёрнув свой изящный носик, добавила:

- А что такого? Разве не я фаворитка королевы? Как любимая любовница повелительницы я вполне могла бы стать матерью наследницы. Так нет же – откуда ни возьмись появилась эта выскочка! Я не потерплю, чтобы меня отбрасывали, как использованную вещь! Рождённая принцессой никогда не станет обычной наложницей.

Когда они прошли мимо, Констанция, слышавшая этот разговор, едва не вскрикнула. Так вот какую участь готовят её ребёнку! Ребёнок… Это о нём говорил Кернунн в её сне: «В тебе живёт жизнь»? Неужели она уже беременна? Констанция положила ладонь на живот. Нет, сейчас она ничего не чувствовала, кроме волнения. Ей нужно торопиться! Ведь если она действительно зачала, то скоро ей будет тяжело двигаться, и она не сможет разыскать Дэймона, и вообще у неё в запасе осталось всего несколько месяцев – потом она опять потеряет возможность ходить. Где он сейчас может быть?.. Тогда Дракон был заперт в подземелье… Возможно, его и сейчас увели туда…

Она бросилась к окну. Оказывается, спальня находилась в высокой башне. Земли амазонок лежали в лесах, которые таили немало тайн и загадок, одной из них был Замок Королевы, выстроенный на неприступной скале, возвышавшейся посреди плодородных земель лесной равнины. Пропасть, заполненная серым туманом, в котором плавали опасные существа, напоминающие змей, окружала Замок. От него на четыре стороны расходились мосты, перекинутые через пропасть и плавно переходящие в извилистые улочки столицы амазонок.

И никаких путей к бегству! Даже если счастливчику и удалось бы покинуть замок, он оказался бы в дебрях векового леса, окружённых со всех сторон скалистой грядой. Этот каменный пояс отделял Амазонию от всех соседей и делал страну недоступной для врагов.

Нет, она не даст волю слезам. Надо быть стойкой. Послышался звук открываемой двери, и Констанция бросилась на кровать, претворилась спящей. В покои вошла эрилопка, купавшая девушку накануне, за чёрный цвет кожи, прозванная Нишей, что на языке амазонок означало «ночь».

- Ниша, - Констанция села на кровати, - Ниша, я знаю, ты не можешь говорить. Но… только ты можешь помочь мне.

Рабыня смотрела на неё, удивлённо раскрыв большие глаза с синеватыми белками. Кивнув головой, она дала понять, что слушает Констанцию.

- Мне нужно знать, где держат Дхирама, - продолжала та, с волнением. – Я хочу увидеть его. Я должна увидеть его…

Ниша быстро принялась качать головой, замахала руками и замычала.

- Ах, Ниша, - Констанция бросилась перед ней на колени, обняла её ноги, - молю тебя! Ты ведь знаешь, кто он?

Рабыня кивнула и заставила девушку подняться с колен.

- Помоги мне! – молила Констанция, но Ниша оставалась непреклонной.

Она молча принялась укладывать волосы девушки в красивую причёску, заставила её надеть тунику из тончайшего нежно-зелёного шёлка, украшенного золотой вышивкой, повязала ей тонкий поясок и подала изящные сабо из сафьяновой кожи, расшитой изумрудами. Одев девушку, рабыня вдруг жестом велела ей следовать за собой.

- Куда ты меня ведёшь? – спросила Констанция.

В ответ эрилопка улыбнулась и приложила палец к своим губам, велев следовать за ней.

***

Под тёмными каменными сводами пещеры единственным источником света был огонь, плясавший в очаге, да несколько тусклых чадящих факелов, закреплённых на стенах. Отвратительная горбунья в пёстрых одеждах, больше походивших на тряпьё, с седыми лохмами, выбивавшимися из-под платка, что-то помешивала в громадном котле, который висел над очагом.

- Поторопись, Индрани! – почти приказала высокая амазонка, стоявшая рядом со старухой и с головы до ног закутанная в чёрный плащ. – Я не могу ждать. Или ты не знаешь? Может, твой дар утратил силу?

- Знаю, недаром я укрощающая дождь и ветер, - хихикнула старуха и бросила в котёл пучок каких-то трав, а потом, обратив к амазонке своё лицо, потрясла головой и укорила: - Тебе ли, Виджая, сомневаться во мне? Разве я подводила тебя когда-то?!

- Да, до сих пор ты верно служила мне, - согласно кивнула женщина-воин, носившая победное имя. - Но сейчас ты стара, как смертный грех, а я спешу! – с нескрываемым раздражением заметила она. – Я хочу знать, исполнится ли задуманное Марисой.

- Если хочешь знать, - отвечала старая ведьма, - так не торопи меня! Терпение – одна из добродетелей!

С этими словами старуха закрыла свой единственный глаз и забормотала что-то на непонятном языке.

- О, махан Свартши, повышелели ми плакат! О, махан дэви, оплича дэкхани! – приговаривала она, раскачиваясь.

Вода в котле пошла пузырями и заклокотала так, что походила на маленький пробудившийся вулкан.

- Вижу! – замогильным голосом вдруг провыла ведьма, простирая над котлом руки. – Я вижу!

- Что ты видишь, Индрани?! – оживилась Виджая, и её голубые глаза потемнели от нетерпения, став тёмно-синими, словно сумеречное небо.

- О! Наследница! Она прекрасна! Истинная королева! Глаза… Глаза разящие… Сила глаз… Сила Спящего Дракона…

- Эй, ты, старая ведьма! Говори яснее! – Виджая толкнула горбунью. – Мне не нужны твои запутанные слова! Дракон? Ты говоришь о Чёрном Драконе?

- Не спеши, не спеши, Виджая! Ты в опасности! Королева в опасности! – горбунья безумным взглядом уставилась в лицо амазонки.

- В опасности? Говори яснее!!! – едва сдержавшись, чтобы не ударить ведьму, вскричала та.

- Да… Опасность идёт от врага амазонок… О, это давний ваш враг…

- Ты видишь его лицо? Это Дэймон Келли, по прозвищу Чёрный Дракон?

- Нет… Лица не вижу, оно скрыто Дхарманом, повелевающим вселенной… Я вижу, Спящего Дракона, который пробудится по слову Свартши. Его пробуждение влечёт великие бедствия для Амазонии. Но его остановит дочь, рождённая от вашего заклятого врага… Из рода Огненного Дракона, из рода Свартши. Её карма - борьба… И в ней она преуспеет… Она станет истинной королевой Амазонии.

- Хм, - задумалась амазонка, - мы верим, что сама Свартши вернётся, восседая на Огненном Драконе, и Амазония вступит в новую эру… Скажи, когда это случится, - приказала Виджая.

- Это не случится, это уже происходит… - голос старухи стал хриплым, и она закатила глаз. – Дракон здесь, он среди вас…Он всегда охранял покой Амазонии … Но он дремлет… Пока дремлет… - замогильным голосом продолжала вещать ведьма. - Но он проснётся, когда повелит Свартши. Слово Свартши будет произнесено… Дракон проснётся, чтобы повернуть колесо судьбы… Огонь… вокруг огонь… Он пожирает всё. Он требует жертву. Рыцарь не сможет противостоять ему… Дочь Дракона остановит его и взойдёт на трон.

- Что?! Что ты хочешь сказать?! Как можно остановить дракона?!

- Если не смотреть в глаза… Огненный глаз опасен… - открыв свой мутный глаз, сообщила старуха.

- Что это значит? – в нетерпении Виджая схватила колдунью за плечи и тряхнула: - Что это значит?! Говори, старая ведьма!

- Не знаю, - улыбка старухи была настоящим беззубым оскалом. Впрочем, один-единственный зуб, торчавший в самом центре верхней челюсти, придавал ей ещё более устрашающий вид. – Это мне не открылось… Но если ты придёшь через месяц, - старуха хитро прищурилась, хихикнув, - и принесёшь мне ещё золотых, быть может, Дхарман мне откроет всё.

- Ах, ты хитрая ведьма! – Виджая толкнула старуху. – Если ты вздумала водить меня за нос, то горько пожалеешь об этом!

- Что ты, что ты, госпожа?! – жалобным голосом запричитала горбунья, воздевая руки. – Клянусь, я не лгу! Просто моей силы не хватает, чтобы проникнуть в замысел Свартши. Кто я перед всесильной богиней?! Жалкая гусеница перед змеёй… Может, речь идёт о ещё одном её пророчестве, кто знает?

- О ещё одном пророчестве? – Виджая нахмурилась. – Кто может рассказать о нём? – она схватила колдунью за грудки и вновь тряхнула. – Ну! Говори всё, что знаешь!

- Клянусь, я ничего об этом не знаю, - опять всхлипнула старуха, - но мне ведомо, где ты можешь узнать всё.

- И где же?

- В тайном хранилище королевы есть книга, ты должна завладеть ей… В ней написана воля Свартши. Найди ключ и завладей книгой Свартши, - колдунья прищурилась и добавила: - А потом приноси её мне, я помогу тебе.

***

Эрилопка вела Констанцию по длинной крутой лестнице, уходившей вниз. Девушка поняла, что их путь лежит в подземелье. Она уже проходила здесь, когда её втолкнули в темницу к Чёрному Дракону. Неужели всё должно повториться? Сердце бедняжки сжалось от страха. Да, она желала встречи с супругом, но… Что если он так и не вспомнил её? Что если вчера всего лишь в любовной горячке произнёс пылкие признания, а сегодня вновь накинется на неё, как в их первую встречу. А вдруг её ведут вовсе не к нему? Что если её тоже посадят в темницу? Нет, она не вынесет темноты, которую боится с детства! Но что же делать? Констанция принялась мысленно читать молитву.

Вот он, знакомый коридор подземелья, и вскоре они остановились у высокой двери, обитой коваными пластинами. Здесь стояла стражница, рослая амазонка с мечом на поясе. Констанция насторожилась – неужели её сейчас посадят под замок. Вновь приложив палец к губам, Ниша огляделась, словно опасаясь слежки. Потом выразительно взглянула на амазонку и протянула ей крошечный свёрток. Амазонка довольно ухмыльнулась и открыла двери.

- У тебя немного времени, - предупредила шёпотом и подтолкнула Констанцию внутрь.

И едва девушка переступила порог, двери захлопнулись, и три раза щёлкнул замок.

- Выпустите меня! – Констанция кинулась к запертым дверям и замолотила в них кулачками. – Ниша, о, Ниша, выпусти меня! - взмолилась девушка.

- Не надо кричать! – за спиной вдруг прозвучал мужской голос.

Констанция оглянулась и вскрикнула от изумления, смешанного с испугом. Перед ней стоял сэр Келли.

- Вы… - испуганная, только и смогла она выдохнуть, уставившись на мужа.

- Констанция! – он быстро шагнул к ней и замер, точно не узнавал её.

Волнение и удивление смешались на его лице, казалось, он хотел сказать что-то, но не мог, не решался. А она тоже не находила слов, и лишь её взгляд метался по его чертам. Теперь, без привычной маски, в полумраке – свет лился только из крошечного оконца под самым потолком – он показался ей не таким устрашающе отчуждённым, как раньше, когда он овладел ею впервые. И сейчас его лицо не было таким вежливо-холодным, как в их брачную ночь в родном замке. Шрам остался прежним, но почему-то теперь этот жуткий рубец показался ей красивым. Да, определённо, без него лицо рыцаря не было бы таким одухотворённым и полным затаённой силы. Она по-прежнему с болью смотрела на шрам, но с изумлением поймала себя на том, что хочет прикоснуться к нему и даже больше – прижаться губами.

Он приблизился к ней и сжал её руки в своих ладонях.

– Констанция, как вы оказались здесь? – он всматривался в её лицо, словно искал что-то, или хотел прочесть в её глазах.

- Я… меня просто привела Ниша, - дрогнувшим голосом отвечала она, вдруг испугавшись того, что почувствовала в тот момент, когда он прикоснулся к её рукам.

Ощущение было незнакомым, непонятным, но… восхитительным. Словно она с холода вдруг подошла к теплу. Оно притягивало, манило к себе, вызывая желание прижаться к нему и забыться в этих тёплых больших руках. Но вместе с тем Констанция

вдруг испугалась, не сон ли это. Вдруг она сейчас проснётся, как тогда, в туманном лесу, где были только холод и сырость. Она попыталась освободить свои руки из его ладоней.

- Нет, привели вас по моей просьбе: мне удалось уговорить банщика, который готовил меня к церемонии, к счастью, он согласился помочь, - он вдруг поднял её подбородок, - но, я не о том, - глубокая морщинка разрезала нахмурившийся лоб. – Как вы оказались в этом логове разврата и зла? – спросил таким тоном словно обвинял её в чём-то. - И вы стоите на своих ногах… Не снится ли мне всё это?

- Нет, это не сон! Я хотела спасти вас… и мне помог Кернунн, он поставил меня на ноги, - она открыто смотрела ему в глаза, выдержав его пронизывающий взгляд.

- Глупая, глупая девочка, - он покачал головой и неожиданно властно привлёк её к себе, уткнулся губами в макушку и заговорил севшим голосом: - Как вы могли отправиться сюда, не подумав о последствиях? Вы можете погибнуть! Вас били? – он вновь поднял её лицо и с тревогой заглянул в глаза.

Ах, как ему сейчас хотелось поднять её и унести, убежать отсюда далеко-далеко, где будут только они двое. Он и сам не понимал себя. Эта хрупкая юная женщина, встреть он её раньше, ни за что не привлекла бы его внимание. Он любил крупных, под стать себе. Но уже тогда, в их брачную ночь, он отчаянно боролся с нахлынувшим желанием. Желанием к ней. А сейчас, после вчерашней ночи, вернувшей ему память, он вдруг понял, что эта женщина стала смыслом его существования. Ему мучительно захотелось защитить её от всех и вся, сделать своей, только своей, но… Они пленники… Они рабы, королевы амазонок! И от этого его сердце сжималось в безысходной тоске – он не может спасти свою жену! Он, бесстрашный рыцарь Чёрный Дракон, сейчас не сильнее самого последнего раба в этом замке!

- О, нет! – она оживилась. – Нет! Со мной обращаются, как с принцессой.

Она попыталась освободиться от его объятий, преодолевая себя, ибо ей очень хотелось прижаться к нему. Но нельзя! Она не должна идти на поводу своим чувствам. Собрав остатки гордости, Констанция отошла от него на безопасное, как ей казалось, расстояние.

На его лицо набежала тень, морщинка между бровями стала глубже, и даже казалось, что потемнел шрам, разрезавший его черты пополам, и что-то неизъяснимое промелькнуло в глубине глаз.

- Вы боитесь меня… Я… едва не убил вас тогда, - прошептал он и вновь прижал её к себе, словно боялся, что она уйдёт так же неожиданно, как и появилась. – Я превратился в скотину!..

- Не говорите так! – Констанция, подняв голову, серьёзно и внимательно посмотрела на него.

- Вы простили меня? – казалось он удивился. – Вы не держите на меня зла?

- Конечно! – с жаром отвечала она. – Я знаю, что они с вами сделали. Вы не виноваты ни в чём…

Теперь она не вырывалась, покорно замерла в его объятиях, не имея сил бороться сама с собой. Ну в самом деле, что плохого в том, что она постоит немного вот так, прильнув к его груди?

- Но я нарушил клятву! – с жаром признался он, не отпуская её. - Я же поклялся вашему отцу, что никогда не трону вас, не причиню вам боли.

- Вы поклялись? – она словно не поверила его словам.

Но его глаза не лгали, они сверху, с высоты его роста, мягко смотрели на неё, и невыразимая боль читалась в этом взгляде.

- Так значит, поэтому вы отвергли меня в ночь нашего венчания?

- Да, - он кивнул, - да. Я не мог причинить вам боль. Вы и так много страдали.

- Но вы сделали мне больно именно в ту ночь, - вдруг призналась Констанция, - когда вы отвергли меня, я… мне хотелось умереть…

- Констанция, мне очень жаль! – он нахмурился. - Я не думал… Я разрывался между желанием к вам и данным вашему отцу словом.

- Не надо… - она подняла на него свои глаза, влажные и распахнутые, они вновь напомнили ему взгляд лани, как в их первую встречу в зале Олдриджхола, - не нужно вспоминать, - прошептала одними губами, словно не было сил говорить.

- Констанция, - он будто выдохнул её имя и с силой прижал её к себе.

Его обнажённое тело, облачённое в одну лишь повязку на крепких бёдрах, вдруг оказалось так близко, что закружилась голова. Ощутив жар его объятий, она окончательно поняла, что хочет ещё сильнее прижаться к нему, раствориться, забыться в нём. Вот оно – его животворное тепло, которого ей так не хватало всё это время! И не к этому ли источнику шла она, отправляясь спасать мужа? Его мужская энергия затопляла её существо, заставляя дыхание учащаться и замирать одновременно.

Как-то сама собой её ладонь опустилась ему на грудь, пальцы запутались в густой поросли золотисто-каштановых волос, и Констанция ощутила биение его сердца. Ей не хотелось прерывать очарование момента, но она всё-таки нарушила молчание.

- Отпустите меня, - прошептала тихо и в который раз сделала попытку освободиться от сладостных горячих тисков его рук.

Но едва она произнесла эту фразу, как его губы опустились ей на рот и запечатали его голодным поцелуем. Дэймон буквально впился в трепещущие губы, с такой жадностью, точно хотел поглотить её целиком. Никакой просьбы, даже нежности в его поцелуе сейчас не было, и всё-таки этот поцелуй отличался от того, которым он наградил её в темнице. Сейчас это было утверждение его власти над ней, как над его женщиной, это был поцелуй, свидетельствовавший о его ненасытном желании не к женщине вообще, а именно к ней, к Констанции Олдридж-Келли, его супруге. И когда она издала слабый стон, он отпустил её губы.

Рука Дэймона, скользнув по её точёному подбородку, растрепала уложенные в причёску косы и замерла на её шее. Продолжая прижимать жену себе, он покрыл поцелуями всё её лицо. Его губы, как горячие тавро, ставили печати на её чертах: он словно клеймил её, оставляя свои знаки.

Она и не думала сопротивляться, хотя где-то, на задворках сознания мелькнула мысль, что к ним в любой момент могут войти, и ей нужно успеть сказать ему о планах амазонок… И вообще, она не должна поддаваться чувствам, обрушившимся на неё подобно снежной лавине. Он женился на ней не по любви! Она для него ничего не значит… Или значит? Но… Констанция отбросила этот слабый проблеск рассудка. Разум умолк, уступая место чувствам. Она отдалась той сладкой стихии, которая затопила всё её существо.

Кончик его языка, очертив овал её подбородка, прошёлся по припухшим губам и скользнул между ними. Казалось, в нём сосредоточилось какое-то особенное тепло, даже пламя, которое разливалось теперь по всему её телу, заставляя его пылать ответным огнём.

Язык устремился глубже, лаская её нёбо, сплетаясь с её языком, исследуя, пробуя на вкус. Эти безумные ласки заставили её застонать и вскинуть руки к его крепкой шее. Констанция ощутила, как его рука властно, но осторожно сжала её грудь и опустилась к талии и ниже, к упругим маленьким ягодицам. Он стиснул их, понуждая сильнее

прижаться к его бёдрам. Она почувствовала его мужское естество, которое каменным бугром упёрлось ей в живот. И это оказалось восхитительным – она вызвала в нём такие метаморфозы, она заставляет его терять разум от желания!

Она хотела вскрикнуть, оттолкнуть его, но не могла – он продолжал целовать её, а внутри неё что-то не давало ей протестовать, наоборот, ногтями Констанция царапала спину мужа, её напрягшиеся соски сквозь тонкую ткань платья льнули к его обнажённой груди. Ах, ей сейчас хотелось тоже оказаться обнажённой! Эта мысль возникла против её собственной воли, словно кто-то другой сейчас думал за неё.

И словно услышав её невысказанное желание, он развязал шнуровку на её платье и стянул его с плеч. Оторвавшись от сладких губ, он провёл кончиком языка по бившейся на шее жилке, а потом его голова опустилась, и губы принялись ласкать напрягшиеся груди, облизывая и покусывая её набухшие соски.

Её прошлая жизнь, прожитая до этой минуты, ушла, растворилась словно в тумане. Всё, что было до этого мгновения, сейчас показалось ей лишь ожиданием вот этого момента, когда он, её супруг, в здравом рассудке, не одурманенный чарами, а по собственному желанию ласкал её тело. Она едва не задохнулась, сдерживая рвавшийся крик. Нельзя кричать! Их могут услышать! В любой момент сюда могут войти…

Мгновение и сильные руки подхватили Констанцию. Два шага, и он опустил её на узкое ложе, стоявшее в самом углу, под окном. Поймал её затуманенный взгляд. Она поразилась тёмной глубине его глаз. Точно жадное пламя плясало в их карем море. И Констанция нырнула в это море. Отдалась нетерпеливым рукам и жадным губам.

Раскалённое тавро его губ прошлось по ней, не оставив ни точки на прекрасном обнажённом теле. И сейчас она без страха смотрела на его могучее орудие мужчины, представшее перед ней во всей красе. Багровое навершие блестело от любовной росы, выступившей на самом кончике. В каком-то непреодолимом порыве юная женщина, отринув природную стыдливость, коснулась пальцем восставшей плоти, сняла жемчужную каплю и взяла палец в рот, пробуя на вкус, потом застонала протяжно, точно лишилась рассудка от дурманящего вкуса мужского желания.

Дэймон с соблазняющей грешной ухмылкой взял ножку супруги и лизнул языком маленькую ступню. Красавица в нетерпении дёрнулась. Сейчас Констанция и сама не понимала себя. Ей просто хотелось, чтобы он что-то сделал. Что именно – она не знала, но пламя, сжигавшее её изнури, готово было заставить её закричать.

- О, Дэймойн, пожалуйста! – всхлипнула Констанция, не узнавая собственного тягучего голоса.

Может, это вообще воскликнула не она? Губы, ещё более нетерпеливые и горячие, ласкали колено и вновь опустились к стопе. А потом – неужели это возможно?! – он вдруг поочерёдно стал брать в рот крошечные пальчики и посасывать их, точно это было восхитительное лакомство. Одна ножка… другая… И так бесконечно долго и невыносимо сладко, что она выгибалась от этих сводящих с ума ласк.

- Как ты прекрасна, - шептал он, - люблю тебя, люблю всю… - срывались с его губ признания, а язык двигался вдоль изнывающего тела девушки по чувственным изгибам гибких рук, тонкой талии, плавных, чуть раздвинутых бёдер.

И вот рука Дэймона нежно коснулась маленького холмика внизу её живота, а его губы прижались к этому её месту, заставив Констанцию вскрикнуть. Она метнулась, словно стараясь избежать этих ласк. Но сразу сдалась, пропустив его язык внутрь себя.

- Дэймон, я прошу… - взмолилась она, не думая о смысле своей просьбы.

Он оторвался на мгновение от её истекающей соками щелки, улыбнулся и, наконец, вскинул её ноги себе на плечи и вошёл во влажный багровый грот. Её тело затрепетало. Страстно обняв его руками, она испытала странное чувство – она умерла, её не было, был

огонь, сжигавший её изнутри, и была горячая волна, опалявшая её. И каждое движение усиливало это странное, неизведанное ранее ощущение.

Он брал её, точно исполнял танец. Шаг вперёд, назад, вперёд, назад… Требовательно, как завоеватель, и вместе с тем нежно. Она отвечала, устремляясь навстречу, раскачиваясь, плавно двигая бёдрами. И каждый его новый выпад был сильнее, с каждым новым движением он проникал в неё всё глубже. Ритм ускорялся, волны, омывающие её, стали падать каскадом одна за другой в бешеном темпе. Аромат страсти наполнил пространство. Рычащие стоны, которые издавал Дэймон, восхитительной музыкой звучали для Констанции. А она сама, не слыша себя, отвечала ему страстными стонами.

В момент завершения Дэймон выгнулся, сильнее прижал её к себе, входя до упора, словно врастая в горячее лоно юной супруги, и разрядился щедрой струёй своего семени, оросив им маленький грот. В этот момент Констанция словно услышала первый весенний гром, потрясший всё её существо. Шаг за шагом, вздрагивая и стеная, она долго возвращалась в реальность. А он всё не отпускал её и нежно поглаживал по щекам большими пальцами.

- Я… мне нужно сказать тебе, - вспомнила она цель своего прихода, - наш ребёнок… он наследник…

- Тсс, - он улыбнулся, и широкая светлая улыбка сделала его лицо красивым, словно и не было уродливого шрама. – Конечно, он будет нашим наследником…

- Ты не понял! Амазонки хотят забрать девочку… У нас будет девочка. Они хотят сделать её принцессой.

- Что? – Дэймон нахмурился и сел. – Откуда ты знаешь?

- Я слышала разговор фаворитки королевы с рабом.

***

Редудьян медленной походкой, словно воспарив над полом, вплыла в небольшую комнату и, оглядевшись, подошла к резной деревянной решётке, отгораживавшей часть помещения.

- Я здесь… – произнесла тихо, едва разжимая губы и опустив глаза.

- Ты молодец, умная девушка, - из-за решётки послышался глухой голос, и было нельзя точно понять, женщине или мужчине он принадлежит. Сквозь резьбу деревянной ширмы можно было разглядеть лишь высокую фигуру, затянутую во всё чёрное.

– Если сделаешь всё, как я велю, будешь вознаграждена, станешь матерью принцессы-наследницы, - продолжал голос.

- Я готова служить вам, - Редудьян присела, выражая покорность невидимому повелителю.

- Мне нужен ключ, который королева носит на поясе под одеждами. И ты принесёшь мне его.

- Да, я видела ключ, - кивнула девушка, - но королева никогда не расстаётся с ним…

- Конечно, я это знаю, - в голосе послышалось раздражение, - но тебе ли не знать, как взять ключ?! В момент любовных утех ты должна снять его.

- Да, но…- фаворитка не осмелилась продолжать.

Конечно, она готова была на всё ради того, чтобы стать матерью наследницы престола. Но и рисковать своим нынешним положением любимицы королевы и тем более рисковать жизнью она тоже не хотела.

- Никаких но! – в голосе зазвенел металл. – Вот, возьми это, - из-за решетчатой ширмы показалась рука в чёрной перчатке, протянувшая флакон с кроваво-красной жидкостью. – Вылей это в ваш любовный напиток, который Мариса принимает в момент вашей встречи. Ведь ты сама подаёшь его ей, не так ли?

- О, да, я сама подаю королеве средство, усиливающее её страсть, - Редудьян взволнованно протянула руку и, взяв пузырёк, сразу спрятала его в складки своей одежды.

- Вот и прекрасно, - продолжал голос. – Королева уснёт сладким и глубоким сном. Ключ принесёшь мне. Я буду ждать тебя завтра на рассвете. И не тревожься – ты успеешь вернуться в спальню и вновь лечь с Марисой. Никто не заподозрит тебя в краже ключа.

- Но… - девушка замялась.

- Говори, - приказал голос.

- Меня может заметить стража, стоящая у дверей королевской спальни, - сказала Редудьян. – И потом, как я верну ключ?

- Это не твоя печаль, - голос усмехнулся, - сегодня стражи не будет. На всём твоём пути из спальни и обратно не встретится никто. Ключ ты вернёшь сразу же, едва предъявишь его мне. Ты всё поняла?

- Да… - Редудьян присела, выражая покорность.

- Ступай и действуй! Помни, от тебя зависит судьба Амазонии и твоя собственная участь.

***

- Выходит, вчерашняя ночь была подстроена, - Дэймон дотронулся до её щеки. – Я знал это…

- Знал?! – Констанция взволнованно смотрела на него.

- Догадывался... - Когда ко мне стала возвращаться память, я стал думать и… понял…

- Ты вспомнил всё?

- Да, - он нахмурился. – Главное – я вспомнил тебя, и кто я есть, - он обнял жену, прижал её к своей груди и уткнулся ей в макушку. – Это ты вернула мне память, - вдруг

признался он, - вчера… Вчера она привела тебя ко мне, и… когда я овладел тобой, память вернулась…

***

- Подойди ко мне, любовь моя, - Мариса игриво поманила пальцем, - только ты, только ты, моя возлюбленная Редудьян, даёшь мне отдохновение.

Королева медленным взглядом скользила по фигуре своей фаворитки, наслаждаясь каждой округлостью, каждой плавной линией. Девушка была совершенно обнажена. Один лишь золотой поясок тонкой змейкой оплетал её выпуклый животик и проходил между бёдер, едва прикрывая самое вожделенное сокровище. Золотая диадема поддерживала пышную массу ярко-рыжих волос. Фаворитка, плавно покачивая своими широкими бёдрами, подошла к повелительнице и опустилась перед ней на колени.

- Встань, - сегодня Мариса была в прекрасном расположении духа, о чём свидетельствовала чувственная улыбка, преобразившая королевские губы.

С этими словами она наклонилась и поцеловала девушку. О, конечно, это был не простой поцелуй! Язычок Марисы осторожно скользнул по пухлым губам, обрисовывая их форму, впитывая вкус розового варенья, которое перед этим, следуя правилам, пригубила фаворитка. А потом королевский язык проник в рот девушки и принялся исследовать сладкое пространство.

- Ммм-ааа, - простонала королева, отрываясь от губ, пахнущих розой. – Сегодня я хочу тебя всю, моя роза. - с улыбкой сообщила Мариса.

- Как пожелаете, моя королева, - любовница улыбнулась и облизала влажные припухшие губы.

Редудьян знала, как угодить королеве. И обычно сама получала от этого удовольствие. Но сегодня она волновалась. Ей предстояло выполнить обещание, данное тому незнакомцу, вернее - фаворитка была в этом уверена – незнакомке. Её взгляд то и дело устремлялся к кожаному поясу королевы, на котором висел заветный вожделенный ключ из чистого серебра. Мариса, как и её любовница, была обнажена, пояс и золотой обруч-корона на голове – вот вся её одежда. Красивое смуглое мускулистое тело Марисы контрастировало с нежным округло-рыхлым светлокожим телом Редудьян. Точно сошлись вместе бронза и сдобный хлеб.

- Но для начала, - рыжеволосая чаровница улыбнулась, открыто посмотрев в холодные глаза королевы, и подошла к маленькому столику, на котором стояли бокал и графинчик с розовым вином, - для начала вы должны выпить напиток Свартши.

Редудьян незаметно достала из-под салфетки крошечный флакон и вылила его содержимое в вино. А потом присела на ложе подле своей царственной возлюбленной и поднесла к её губам бокал, наполненный снадобьем.

- Из твоих рук так сладостно принимать напиток любви, - с улыбкой заметила королева, но взгляд её оставался прохладным, как сталь.

С этими словами Мариса осушила бокал и вновь потянулась к губам Редудьян. На этот раз поцелуй был просто касанием, дразнящим прикосновением, лёгким, едва уловимым. Рот королевы опустился на губы красавицы и тут же скользнул к щеке. Потом вновь вернулся к губам и теперь уже настойчиво взял их в свой плен.

Рот целовал, а руки трогали, ласкали обнажённое тело, заставляя Редудьян выгибаться.

- Только бы сохранить ясный ум, - думала она, покорно отдаваясь запретным ласкам повелительницы.

Сегодня королева не надела страпон, это облегчало задачу – пока властительница вкушает её прелести, снадобье должно подействовать.

Вот рука Марисы скользнула на талию, потом мягко погладила живот и поплыла дальше, исследуя, покоряя. Редудьян застонала и закусила губу, чтобы вернуться в действительность. Горячий рот королевы завладел её соском и стал посасывать его. Но то и дело сосок покидал сладостный плен губ и оказывался во власти языка. Одна грудь, другая… Фаворитка запрокинув голову, уже лежала в объятиях королевы, ощущая меж бёдер горячую тягучую влагу.

И вдруг Мариса уложила её на подушки и заставила широко развести бёдра.

- О, наш цветок уже истекает нектаром, - облизывая влажные губы, смеясь, заметила повелительница, в её глазах читалось вожделение.

Всегда такие холодные, как блеск двух далёких звёзд, сейчас они превратились в два горящих уголька, которые, казалось, могут обратить в пепел всякого, попавшего под их взгляд.

Редудьян уже знала, что за этим последует. Тяжело дыша, она раскинулась в открытой позе. Узкий поясок, плетёный из золотых нитей, не скрывал ничего, просто тонкой полоской врезался между губками, давя на клитор.

- Давай избавим тебя от этого, - Мариса развязала поясок и медленно, стараясь, чтобы он прошёлся по влажной, блестящей щели Редудьян, стянула его.

А потом королева стала целовать её между ног, втягивая в свой рот мокрые губки. Мариса посасывала их и отпускала и, словно пробуя на вкус изысканное лакомство, самым кончиком языка водила вдоль истекающей щели. Вверх, вниз и опять вверх… Это доводило бедную Редудьян едва ли не до безумия, постанывая, она сжимала свои груди и неистово щипала собственные соски, желая кончить сейчас же, сию минуту. Но Мариса оттягивала развязку. Медленно – один, второй, третий – она вводила палец за пальцем в росистую щель и одновременно дразнила языком набухший клитор своей фаворитки. Движения становились быстрее, натиск сильнее. Редудьян уже выгибалась навстречу беспощадным пальцам и языку.

- О-о-о-о, мо-о-о-я-я ко-о-о-ро-о-о-ле-е-е-в-в-в-а-а-а-а, - стонала теряющая разум фаворитка, готовая вот-вот взлететь за облака.

И вдруг всё прекратилось. Мариса замерла, уткнувшись лицом в мокрую промежность Редудьян. Немного отдышавшись, та выбралась из-под царственного тела. Королева крепко спала. Снадобье подействовало.

- Жаль, что слишком рано, - пробормотала Редудьян и поморщилась.

Увы, сегодня она осталась неудовлетворённой и сейчас чувствовала себя не лучшим образом. Она перевернула Марису на спину, отцепила ключ и, набросив золотой королевский плащ с капюшоном, скрывающим лицо, быстро вышла из спальни.

Через некоторое время она возвратилась и, вернув ключ на пояс, улеглась рядом с королевой.

***

Всё удалось! Вот он, вожделенный ключ лежит на жёсткой ладони, которая обычно сжимает рукоятку меча. Да, конечно, это был дубликат, сделанный по слепку, но… Разве это имело значение? Ведь всего шаг, и она, привыкшая всегда оставаться победительницей, одержит ещё одну свою победу – взойдёт на трон Амазонии.

Оглядевшись, Виджая свернула в узкий тоннель, который вёл в тайное хранилище королевы. Ничем не примечательный длинный коридор. Каменные стены, потолок и пол. Тусклые факелы на сером камне стен. Если спуститься чуть ниже этого тоннеля, окажешься в подземелье. Когда-то там было много пленников, а теперь остался только один - Чёрный Дракон. Мариса бережёт его как зеницу ока. Виджая усмехнулась. Королеву подводит её же собственная ненависть. О, ненавистью нужно уметь управлять!

Её нужно поворачивать в правильное русло. Уж Виджая это знает точно. Потому что она сама ненавидит. Словно это было вчера, помнит тот давний день, когда рухнули её мечты.

У подножия королевского дворца, на широкой площади толпа амазонок, прибывших сюда со всех концов страны, замерла в ожидании чуда. На золочёном помосте стояли две амазонки. Одежды не скрывали обнажённых смуглых тел, лишь короткие ослепительно-белые схенти,* подчёркивающие бронзовый оттенок кожи, прикрывали бёдра. Девы были подпоясаны мечами, соответствующими случаю: эфес венчался крупным рубином, крестовина усыпана драгоценными камнями поменьше, а ножны покрывал замысловатый узор из бриллиантов. Пожалуй, только один меч мог стоить едва ли казны среднего королевства в равнинных землях. Обе привлекали той дикой красотой, которая так свойственна их племени – широкие скулы, чуть раскосые глаза с длинными изогнутыми бровями, чувственные губы и светлые волосы, золотом отливавшие на фоне загорелых мускулистых тел. Но одна из них выделялась своими глазами. Зелёные, как изумруды, они взирали на всех и вся равнодушно, словно деву не трогало ничто происходящее, и от холода, истекавшего от этого взора, мурашки бежали у всякого, кто встречался с этим взглядом.

Седовласая, облачённая в белые одежды жрица, воздев к небу руки, торжественно произнесла:

- О великая Свартши! Яви свою волю! Пошли эту птицу своей рукой, укажи ей верное пристанище!

Произнеся это, она сняла колпачок с головы сокола, сидящего у неё на плече, и птица сразу взмыла вверх. По толпе прокатился вздох, тысячи глаз следили за полётом птицы, затаив дыхание. Описав над площадью два круга, сокол сел на плечо зеленоглазой амазонке.

Толпа выдохнула, а жрица провозгласила:

- Амазонки! Свартши явила свою волю! Теперь у нас новая королева! Да здравствует королева Мариса!

- Да здравствует Мариса! Слава Свартши! – послышались возгласы амазонок.

И через мгновение под торжественную музыку на голову избранной был надет золотой обруч с громадным кроваво-красным рубином. Это был символ королевской власти Амазонии.

Виджая отогнала воспоминания. Только она одна знает, как ей было больно тогда. И до сего дня эта боль не отпускает её. С малых лет словно в зеркало она смотрела в лицо своей сестры-близнеца Марисы. Только глазами различались они. Холод изумрудов у одной и тёплая лазурь весеннего неба – у другой. Одна, любящая удовольствия, и другая, лучшая из лучших воительниц. Обе из рода самой богини. Виджая была уверена, что именно ей предстоит взойти на трон. Разве могло быть иначе, ведь она пришла в этот мир раньше сестры на целых десять минут? Но Свартши её отвергла. Отвергла ли? Или то были козни сторонниц зеленоглазой Марисы? Теперь это уже не имеет значения. Вот ключ, который откроет ей двери, она станет королевой. Она и есть та дочь Свартши, которая на драконе явится перед амазонками. Древнее пророчество будет исполнено!

Ненависть должна всегда сочетаться с терпением, тогда она приводит к цели. Нетерпеливая, необузданная ненависть ведёт к краху. Мариса, увязнув в своих садистских развлечениях, лишилась поддержки у подданных. Одержимая ненавистью к одному-единственному Чёрному Дракону, она забыла о других врагах. А она, Виджая, сохранила в чистоте своё тело – любовные утехи её не прельщали. Только война и власть были её

страстью! С юных лет она вела полки амазонок в победный бой, и её любят, боготворят девы-воительницы. И теперь настало время её главного сражения.

Твёрдой рукой она направила ключ в замочную скважину и, повернув три раза, отворила заветную дверь. На удивление тяжёлая кованая дверь поддалась легко. Виджая шагнула в тёмную комнату, подняла свечу, осматриваясь. Пыль и паутина свидетельствовали о том, что сюда много лет никто не заходил. В самом центре, на высоком аналое лежала книга. Виджая быстро подошла и ладонью осторожно смахнула многолетнюю пыль.

Тёмный кожаный переплёт был сплошь усыпан драгоценными камнями, сливающимися в замысловатый орнамент. Но нет, не роскошь камней привлекала того, кто создал эту красоту. Орнамент имел магическую силу. Глубоко-красные рубины, искрящиеся, будто вино, кровавыми каплями застыли рядом с васильково-синими сапфирами, своим блеском с ними соперничали смарагды, зелёные, точно листва деревьев, сияющие, словно утренний луч солнца. А между этим великолепием, будто капельки росы, рассыпались чистейшие бриллианты. Сила камней перетекала в силу слов, записанных в книге. И знающий древний язык, мог воплотить древнее пророчество.

Виджая древним языком не владела, но она знала, кто ей поможет. Взяв книгу, она спрятала её под плащ и заспешила к Индрани. Ведьма уже ждала её.

- Я уж думала, ты оставила свою затею, испугалась, - захихикала она, едва Виджая предстала перед ней.

- Хватит болтать! – резко перебила её амазонка. – Ты должна мне помочь! Вот книга! Теперь дело за тобой.

- Ох, ох, да, конечно! – старуха, хромая, подошла и взяла книгу, осторожно, провела пальцем по узору, губы колдуньи дрогнули, что-то беззвучно нашёптывая.

Раскрыв книгу, она вгляделась в бледные строки древней рукописи.

- Дааа, это книга Свартши, - в глазах ведьмы вспыхнул огонь. – Я узнаю этот язык!

- Так читай! Читай, старая карга, не то я поджарю тебя на твоём же собственном очаге! – воскликнула нетерпеливая Виджая.

Узловатые пальцы старухи заскользили по строчкам, и напевно зазвучал хриплый голос:

Дракон восстанет чрез тысячу лет,
Разбуженный словом девы.
Огонь он обрушит на весь белый свет,
Сметая моря и посевы.
Дочь Свартши воссядет на крыльях его,
Смиряя драконью силу.
И трон будет точно навеки её,
Лишь рыцарь уронит копьё.
Старуха умолкла.

- Что? Что дальше?! – Виджая в нетерпении толкнула ведьму в плечо.

- Ничего, вернее, дальше идёт заклинание, - Индрани прищурилась, искоса глядя на амазонку. – Ты желаешь, чтобы я произнесла его? – ведьма, прищурившись, пристально посмотрела на амазонку. – Если сейчас я прочту его, то…

- То я на драконе взойду на трон! – закончила за неё Виджая. – Читай! Читай же! Чего ты медлишь?! – голубые глаза превратились в колючие льдинки, в которых отражалось пламя очага.

- Погоди! В таком деле нельзя спешить, - проворчала ведьма. – Ты должна повторять за мной слово в слово. Ошибёшься, заклинание не возымеет силу!

- Я поняла! – Виджая еле сдерживалась, чтобы не встряхнуть старуху.

Та закрыла глаз и принялась каким-то замогильным голосом произносить фразы на древнем наречии:

- Свартши джа гаганам джаг! Дэви хуга патачаль там! Хами крани дэду!

Виджая вторила ей, и удивительным образом понимала значение этих слов:

- Именем Свартши очнись, пробудись! Яви волю богини! Подари нам королеву!

***

Странный гул разбудил Редудьян. Она принялась толкать спавшую рядом Марису.

- О, моя королева! Проснитесь! Проснитесь, госпожа!

- Ну, что такое?! – Мариса открыла глаза и с недовольством воззрилась на свою любовницу. – Редудьян, любовь моя, ещё так рано, - заметила она и с игривой усмешкой добавила: - Или ты хочешь сделать твоей королеве приятно?

С этими словами она притянула девушку к себе и ухватила губами сосочек её аппетитной обнажённой груди.

- Ах, нет, моя королева, - Редудьян отпрянула от неё. – Разве вы не слышите? Гул! Какой-то странный гул… и, мне кажется дворец содрогается.

- Да? – Мариса прислушалась. – В самом деле… Что это?

Она резко вскочила и, набросив на плечи длинный халат, приказала:

- Быстро позови ко мне Виджаю!

Редудьян поспешно удалилась, но вскоре вернулась и взволнованным голосом сообщила:

- Моя королева, Виджаи нигде нет. Во дворце паника, говорят…

- Я не желаю слушать никакие сплетни! – заорала Мариса. – Мне плевать, кто что говорит! Я требую, чтобы мне позвали мою сестру!

В этот момент со звоном вылетело оконное стекло, и в нарушение этикета, без стука в спальню ворвалась амазонка-стражница.

- Моя королева! Огненный Дракон надвигается на дворец! – сообщила она.

- Что? – Мариса, не поверив, уставилась на неё. – Как ты смеешь?!

- Да, Огненный Дракон проснулся…

Лицо королевы перекосило в несдерживаемой злобе.

- Виджая! – заорала Мариса и, схватив амазонку за грудки, что есть силы встряхнула её. – Где Виджая?!

- Не-е-е мог-гу знать, - пролепетала та, побледнев точно полотно. – Её нигде нет… Мы обыскались…

-Так я и знала, - Марса заметалась по комнате, - это она! Проклятие! Заговор!

И вдруг остановившись, она рявкнула на остолбеневшую амазонку:

- Чего медлите?! Привести ко мне Дхирама!

- Но…

- Никаких возражений! Он должен стать жертвой! Огненный Дракон требует жертву! Тысячу лет назад его остановил рыцарь! Сейчас мы должны умиротворить его так же!

- Госпожа, - Редудьян смело смотрела в лицо разъярённой Марисе, - может, лучше в качестве жертвы отдать ему Пушпу?

- Нет, - Мариса поморщилась, - не говори глупостей! Она носит наследницу престола. И вообще, по закону жертвой должен стать мужчина. Мужчины – низшие существа, только их мы можем жертвовать богам и их посланникам. По большому счёту они только на это и годны.

- Но разве нет у нас других мужчин? – не унималась Редудьян. – Аниш, например, один из ваших любимых рабов, разве он не достоин такой чести?

Да, фаворитке было нестерпимо жаль отдавать Дхирама Дракону. Никому бы не призналась рыжеволосая полногрудая красавица, что сама лелеет в сердце надежду однажды взойти с ним на ложе и понести от него, зачав наследницу престола Амазонии. Поэтому сейчас она осмелилась возразить самой королеве.

- Нет, ты говоришь глупости! – Мариса уже с трудом сдерживала гнев. – Аниш – не рыцарь. Мы не можем оскорбить Дракона, посланника самой Свартши, такой ничтожной жертвой.

- Моя королева, решайте что-то, Дракон уже близко! – осмелилась прервать её стражница. – Ещё немного, и он покинет пещеру!

- Мне нечего решать! – рявкнула Мариса, метая глазами зелёные молнии. – Приведите Дхирама!

***

- Свартши джа гаганам джаг! Дэви хуга патачаль там! Хами крани дэду! – завывала старая ведьма.

Странный гул наполнил пещеру. Он доносился откуда-то из глубины и всё нарастал и нарастал, постепенно уже заглушая возгласы Индрани. Та вертелась в каком-то первобытном неистовом танце, не замечая происходящего. И вдруг земля содрогнулась так, что колдунья упала. Виджая устояла, но была вынуждена опереться руками о стену пещеры. «Бежать, - мелькнула мысль, - это землетрясение». Но нет! Разве она может отступить? Осталось совсем немного. Надо удержаться на ногах! Амазонка подняла ведьму, которая, впав в какое-то бессознательное состояние, словно заведённая, продолжала повторять:

- Свартши джа гаганам джаг! Дэви хуга патачаль там! Хами крани дэду!

Вдруг стало нестерпимо жарко, Виджая оглянулась и увидела, как из правого тоннеля пещеры вырвалась огненная река. Сметая, сжигая всё на своём пути, расплавляя сам камень, она неслась прямо на них.

- Бежим! – закричала амазонка и бросилась прочь, Индрани же, то ли не услышав, то ли не пожелав послушаться, осталась и вскоре пропала в потоке огненной лавины.

Виджая, уцепившись руками за выступ в стене, подтянулась и залезла в узкую расселину. Она видела, как огненный поток помчался дальше, постепенно заполняя собой всё пространство пещеры. И казалось, нет ему ни конца и ни края. Дышать было трудно – воздух обжигал изнутри. Но Виджая держалась изо всех сил.

И вдруг она увидела его. Нет, сначала услышала, ощутив, как содрогнулась пещера от исполинских шагов. Прямо по руслу огненной реки двигался Дракон. Громадных размеров пасть со множеством острых, словно пики, клыков, то и дело раскрывалась и выпускала кипящие потоки пламени. Огненная река и была рождена пастью Дракона. Его тело, покрытое коричневато-малиновой, точно отлитой из металла, чешуёй, и с громадными перепончатыми крыльями, напоминавшими исполинский плащ, было столь огромным, что монстр пригибался, чтобы пройти по пещере. Но больше всего поражали его глаза – два огненных продолговатых сгустка под нависшими острыми, как кинжалы, бровями.

Дочь Свартши воссядет на крыльях его,

Смиряя драконью силу…

Эти слова всплыли в памяти амазонки. Да! Надо всего лишь изловчиться и прыгнуть ему на спину. Она, дочь Свартши, восседая на крыльях Огненного Дракона, войдёт в город! Виджая напряглась, намереваясь прыгнуть, и вдруг Дракон заметил её. Издав

устрашающий рёв, он остановил взгляд на амазонке, висящей на стене. Всего мгновение он смотрел на неё, а потом из громадных глаз вырвались две молнии. Виджая успела увидеть эти огненный стрелы, но не успела понять, что произошло. Вместо живой фигуры женщины-воительницы на стене появился искусный барельеф – гибкая, готовая к прыжку фигура амазонки. Так привыкшая побеждать обратилась в камень.

***

С самого утра её не покидало тревожное предчувствие. Ходить ей становилось всё труднее. Ноги слабели с каждым днём. А она так и не могла придумать, как спасти мужа. Днём и ночью за ней по пятам следовала Ниша. И едва Констанция пыталась заговорить с ней, как эрилопка начинала знаками показывать, что не желает её слушать. Проникнуть в подземелье незамеченной не было никакой возможности. Несколько раз она видела Дэймона издали: амазонки-стражницы вели его к королеве. Однажды Констанция хотела броситься к нему, но Ниша удержала её и быстро утащила в комнату, заперла на ключ.

Тогда, в темнице, Дэймон успел ей шепнуть, чтобы она спасала себя и их будущего ребёнка. Констанция подошла к зеркалу, внимательно оглядела себя. Её фигура округлилась, хотя живота не было видно. Но она уже ощущала, что в ней растёт маленькая жизнь. И сердце Констанции сжималось от страха за их судьбу.

Из коридора всё утро доносился какой-то шум. Пожалуй, нужно узнать, что там. Она вышла на балкон и увидела, как вдали, за крепостными стенами поднимается огненное зарево. Что это? Сотни раз Констанция, стоя на рассвете у окна, наблюдала восход солнца. Но то, что она видела сейчас, нисколько не напоминало зарю, скорее, эти пляшущие гигантские пламенные языки, занявшие полнеба, были похожи на огромный пожар. Чувство надвигающейся опасности стало нарастать. И вдруг она заметила, что люди бегут по направлению ко дворцу. Тысячи амазонок и рабов, словно пытались скрыться от чего-то страшного.

Констанция услышала, как отворилась дверь, и кто-то вошёл в комнату.

- Что там за шум, почему все бегут куда-то? – спросила она, не оборачиваясь, решив, что пришла служанка.

- Шум? - послышался незнакомый насмешливый голос.

Обернувшись, Констанция увидела Редудьян.

- Шум? - повторила та с усмешкой, - скоро от этого шума исчезнет дворец и вся Амазония. Конечно, это если дракон не примет жертву.

- Дракон? – Констанция в растерянности смотрела на фаворитку.

- О, да! Но не тревожься! Тебе ведь нельзя волноваться, ты носишь дитя королевы, - рыжеволосая вновь рассмеялась. – Ещё немного, дракон сожрёт отца твоего ребёнка и вновь уснёт на тысячу лет.

- Что случилось с Дхирамом? – воскликнула Констанция, начиная терять терпение. – Говори!

- Откуда я знаю? - Редудьян пожала плечами и, накручивая на пальчик свой рыжий локон, прошлась по комнате. – Вот уж не думала, что всего одна ночь, проведённая в его объятиях, так привяжет тебя к нему, - тонкая бровь поползла вверх, фаворитка усмехнулась. – Наверное, он сейчас ожидает своей участи. Смотри, - она указала рукой в окно, - надеюсь, дракон останется им доволен и примет жертву от королевы.

Констанция больше не слушала её, она бросилась прочь, появившаяся Ниша пыталась удержат её, но безуспешно – Констанция просто оттолкнула её. Преодолевая боль в коленях, она бежала к выходу из дворца. На высоком каменном крыльце остановилась, пытаясь восстановить сбивающееся дыхание. И её взгляд упал на высокий помост, возведённый в самом центре площади.

- О, Боже! – воскликнула Констанция и, забыв о боли в ногах, спотыкаясь, кинулась туда.

***

На Дворцовой площади возвышался помост из кедра. Тяжёлой цепью с крупными звеньями, отлитыми из чистого золота, столь обожаемого амазонками, к высокому гладкому столбу, установленному на помосте, был прикован раб. Обнажённое тело прикрывала лишь узкая полоска ткани на бёдрах. Мускулы бугрились под смуглой загорелой кожей, покрытой шрамами. Сжимая пересохшие губы, пленник устремлял встревоженный взгляд вдаль. С запада, оттуда, где протянулась скалистая гряда, скрывавшая дремучие леса Амазонии от соседей, надвигалось огненное зарево. Это проснулся Огненный Дракон. Говорят, он приходит раз в тысячу лет. И сейчас раб королевы, рыцарь Бригитании Дэймон Келли, граф Олдридж должен остановить пламенное чудовище, сжигающее всё на своём пути или обращающее живую плоть в камень. Остановить ценой своей жизнь. Заведённые за спину руки сжаты в кулаки, грудь вздымается при каждом тяжёлом вздохе. Дышать уже трудно – воздух раскалён точно в пустыне. Закрыв глаза, Дэймон прокручивал в памяти недавнюю сцену.

- Дхирам, я решила оказать тебе великую честь, - привычная усмешка искривила губы Марисы, - я отправляю тебя на подвиг, на встречу с Огненным Драконом, - сообщила она, поигрывая изящной плетью.

Королева амазонок медленно обошла раба, стоящего перед ней с закованными и заведёнными за спину руками. Словно оценивая, обдумывая что-то, она окинула его пристальным взглядом и продолжала:

– О, я понимаю, что ты не хочешь умирать. Но… Ты ведь любишь Пушпу?

Дхирам, до этой минуты слушавший её с деланным безразличием, вдруг поднял голову и бросил полный ненависти взгляд в побледневшее лицо королевы, искажённое усмешкой. Выдержав этот его тяжёлый взгляд и, заметив, как сжались кулаки пленника, она с издёвкой добавила:

- Ты глупец, если надеялся, что я не узнаю, кто она! – властительница шагнула к нему и рукояткой плети подняла его подбородок. – Смотри мне в глаза, раб!

Зелёные глаза королевы амазонок сейчас напоминали взгляд хищника, готового к прыжку, черты скуластого лица заострились.

- Итак, я жду ответа…

- Да… моя королева, я люблю Пушпу. И я готов сразиться с драконом, - хриплым голосом отвечал Дхирам, - но я… прошу, чтобы вы освободили девушку, ведь она носит дитя, которое необходимо вашей стране.

- О, - Мариса удивлённо приподняла бровь, - однако у нас быстро распространяются слухи. Даже до твоей темницы дошли. Конечно, - кривая усмешка пробежала по бледным губам, - маленький цветок родит наследницу амазонского трона. Тут ты можешь быть спокоен!

Мариса зло засмеялась.

- Но кто говорит о сражении?! – она пожала плечами. - Я всего лишь приношу тебя в жертву огненному чудовищу. Надеюсь, он подавится тобой и уснёт ещё на тысячу лет.

Она вновь рассмеялась.

- Подумай только, Дхирам! Какая честь тебе оказана – ты умрёшь, как ваш христианский мученик! Но мало того, я безгранична в своей милости - ты, рыцарь Бригитанского короля, станешь отцом амазонской принцессы, а твоя жена – её матерью!

Да, да, не удивляйся! Я отлично знаю, кто такая Пушпа. Не правда ли, я щедро вознаградила тебя за всё, что ты сделал для моей страны?! Я сама воспитаю твою законную дочь!

- А если родится сын? –Дхирам открыто, не скрывая злой усмешки, посмотрел на королеву.

Тонкие пальцы амазонки вцепились в его скулы, Мариса приблизила к нему своё лицо и прошипела:

- Если родится мальчишка, я собственноручно разорву его пополам! А может, если у меня будет хорошее настроение, я продам его в рабство твоему обожаемому королю. Пусть он станет шутом при дворе старого Ричарда!

Амазонка была одного с ним роста. И сейчас, стоя вот так, глаза в глаза, он поразился её ненависти, которая буквально кипела в её взгляде и обжигала всякого, кто попадался ей на глаза.

- Уведите его! – бросила она стражницам и, оттолкнув его, хлестнула плетью по чреслам. - Я клянусь именем Свартши, если ты не остановишь Огненного Дракона, твоя жена умрёт!

Дэймон открыл воспалённые глаза и отогнал воспоминания. Констанция… Её лицо всё время стояло перед ним. Тогда в темнице, куда её привели к нему, когда он смог умолить об этом раба, который готовил его к церемонии зачатия наследницы, она была так прекрасна, что его сердце сжималось от боли. Он не успел сказать ей многого. Сказать, как любит её… Больше жизни. Едва она призналась ему, что ждёт ребёнка, как вошла стражница, и Констанцию увели. С тех пор он её не видел. Лишь во сне она приходила к нему, смотрела своими огромными, глубокими темно-карими глазами, дотрагивалась ладошкой до его щеки. Но едва он хотел обнять её, привлечь к своей груди, как она растворялась, точно мираж, а он просыпался разочарованный, сгоравший от желания быть с ней, покрывать поцелуями и входить в неё, становясь единым целым.

Земля содрогалась, и какой-то непонятный гул исходил, казалось, из самых недр. И вдруг Дэймон увидел его. Огненный Дракон, раскинув крылья и изрыгая жидкое пламя, медленно летел по небу. Он напоминал гигантский парусник, взмывший к облакам. Кроме пламени, из его пасти время от времени исторгался протяжный вой, напоминающий рёв тысяч труб разной тональности. Чудовище неотвратимо приближалось.

На площади творилось невообразимое. Пёстрая толпа кинулась в беспорядочное бегство. Люди спешили укрыться хоть где-нибудь. Дэймон напрягся, поднатужился и невероятным усилием разорвал золотые цепи. Они остались висеть на его руках, точно непонятное, пугающее украшение. Пробегавшая мимо амазонка, увидев, что он освободился, что-то прокричала на родном языке и попыталась вонзить в него копьё. Опередив её, рыцарь перехватил руку воительницы, его кулак с силой опустился на живот амазонке. А потом, не давая ей опомниться, Дэймон набросил на её шею цепь и резко повернул ей голову. Послышался треск ломаемого позвоночника. Амазонка упала к его ногам. Сильные пальцы Чёрного Дракона сжали копьё. Быстрыми короткими перебежками он стал двигаться вперёд, по направлению к летящему дракону.

Сгустки пламени вырывались из пасти и падали на город, поджигая всё вокруг, огонь сливался в одну бурлящую реку, в которой не было спасения никому. Но уворачиваясь от драконьих протуберанцев, Дэймон продолжал двигаться к нему навстречу. И вдруг он понял, что Дракон наметил его своей целью. Крылатый огнедышащий монстр спланировал ниже, завис на пути Дэймона, но не стал плеваться огнём, а словно бы поджидал, подпуская рыцаря поближе. И когда тот оказался на расстоянии сотни шагов,

из глаз чудовища вылетели огненные стрелы. Дэймон ощутил сильный удар в грудь и жар, точно на него плеснули расплавленного золота. Выронив копьё, он сначала упал на колени, а потом рухнул вниз лицом.

***

Падая и поднимаясь вновь, Констанция бежала за Дэймоном. Она пыталась звать его, но из опалённого жарким воздухом горла вырывались какие-то хриплые звуки, а он не оглядывался и поэтому не замечал её. Она видела, как Дэймон упал, сражённый огненными стрелами Дракона.

- Не-е-е-е-е-ет! – закричала она и бросилась к мужу.

Кое-как перевернув его на спину, накрыла его собой.

- Дэймон, о, Дэймон! – рыдала бедная графиня. – Ты не должен умирать! Слышишь?! Ты нужен Олдриджу, ты нужен мне! Не покидай меня, любимый!

Но бездыханный рыцарь лежал, раскинув руки, и не слышал всех этих признаний, обращённых к нему.

И вдруг она резко замолчала. Поднявшись, выпрямилась во весь рост и открыто взглянула в глаза Огненному Дракону. Её лицо было испачкано сажей, и от бегущих слёз оставались светлые дорожки. Боль и ярость исказила её черты. Взмахнув крыльями, Дракон поднялся выше, а потом быстро спланировал вниз и опустился напротив Констанции.

- Давай! Сожги и меня! – закричала она, с ненавистью глядя на дракона. – Ну, чего же ты медлишь? - раскинула руки по сторонам, - вот, пронзи меня своей стрелой, как пронзил его!

Её голос, всегда такой звонкий и чистый, сейчас был хриплым. Но самые удивительные метаморфозы происходили с её тёмными глазами. Из тёмно-карих, почти чёрных, они вдруг стали цвета пламени, точно впитали в себя частицы бушующего вокруг огня.

- Так что же?! – вновь закричала Констанция, сверкая своими огненными глазами.

И тут случилось невероятное. Запрокинув свою громадную голову, Огненный Дракон затрубил точно сотня оленей во время гона, и вдруг склонился перед девушкой, опустив морду на землю.

- Чего ты хочешь?! – вскричала Констанция. – Вставай и твори своё зло! Испепели меня! Ну, же!

Она вдруг смело шагнула к Дракону и ударила его рукой по морде. На удивление он спокойно воспринял это, лишь вздохнул, выпустив из носа струйки светлого пара.

- Ах, так! – девушка совсем позабыла об осторожности и вскарабкалась чудовищу на шею, уселась там, уперевшись спиной в гребенчатый выступ, и ударила ногами по сторонам гигантской шеи, покрытой толстыми пластинами.

Огненный Дракон вздохнул, поднялся во весь свой рост и, раскачиваясь, распахнув крылья, как два гигантских паруса, двинулся на площадь столицы. Это было невероятное зрелище. Хрупкая маленькая девушка с развевающимися тёмными волосами восседала на шее Дракона, который не только не противился этому, но, казалось, воспринял это как нечто вполне само собой разумеющееся. Он повиновался ей, словно она вдруг возымела над ним какую-то власть. И теперь уже он не плевался пламенем, лишь клубящиеся струйки пара время от времени вырывались из его ноздрей.

Когда они так двигались по улицам, попадавшиеся им навстречу люди застывали в изумлении.

- Дочь Свартши! – вдруг послышались крики. – Дочь Свартши остановила Огненного Дракона! Да здравствует новая королева!

И вскоре ликующая толпа амазонок двинулась за девушкой, сидящей на Драконе. Улицы, на которых кое-где ещё полыхало пламя, заполнились радостными женщинами, прославляющими новую королеву.

***

- Что там происходит? – Мариса встревоженно взглянула на вошедшую стражницу. – Что за крики?

- Моя королева, там… Там народ приветствует дочь Свартши…

- Что?! – королева вскочила, перевернув резное кресло, на котором сидела. – Что ты говоришь? – изо всех сил хлестнула амазонку плетью по лицу и кинулась на балкон.

Там, вцепившись вперила, взглянула на площадь. Среди огромной толпы амазонок и рабов на Драконе восседала девушка. Её глаза, казалось, источали огонь.

- Госпожа, какие будут приказания? - морщась от боли, пролепетала побледневшая стражница и выбежала вслед за королевой на балкон.

- Кто посмел?! – заорала Мариса, повернувшись к ней лицом.

- Моя королева, нам нужно бежать, - нашлась амазонка. – Древнее пророчество сбылось. Только истинная дочь Свартши могла оседлать Дракона…

- Нет! – Мариса, сжав кулаки, уставилась на неё обезумевшим взглядом. – Я! Понимаешь, я – истинная дочь Свартши?! Единственная!!!

Она схватила амазонку за плечи и начала трясти. Та послушно сносила такое обращение. И вдруг вопли королевы были прерваны тихим голосом:

- Нет, Мариса, теперь не ты королева Амазонии.

- Что?! Кто это сказал? - Мариса оглянулась и застыла на месте.

Перед ней стоял Кернунн. Волшебник спокойно смотрел на неё своими синими глазами.

- Ты узнала меня, сестра? – невозмутимо спросил он.

- Ты? – Мариса была не в силах скрыть своё изумление. – Ты жив?! Но разве не...? – она не договорила.

Мариса смотрела на Кернунна так, словно он был фантомом, привидением, пришедшим из иного мира. Но это привидение выглядело вполне живым и реальным. Гораздо реальнее всего того, что происходило сейчас на площади за стенами дворца. Поэтому королева замолчала и просто смотрела на появившегося из ниоткуда волшебника.

- Да, как видишь, я жив, - он усмехнулся. – Хотя ты и Виджая очень старались сгноить меня в темнице. Увы, мне не повезло: родился мужчиной в стране женщин, да ещё мне достались две сестрички, одержимые жаждой власти и крови. Но я всё-таки выжил… Слава Свартши!

- Это ты всё подстроил?

- Нет, - волшебник покачал головой. – Я не настолько могущественен, чтобы свергать троны, - он вдруг усмехнулся, - но ты же сама знаешь пророчество.

- Да, но… разве она – дочь Свартши?! – Мариса смотрела на него так, словно хотела заморозить своим взглядом.

- Да, сестра, она одна из вас, - кивнул маг. – Помнишь нашу младшую сестру Арианну? Вы с Виджаей продали её в рабство Бригитанскому королю. Вы так боялись, что сокол предпочтёт её, хрупкую, слабую девушку, неспособную держать меч. Не амазонка среди амазонок – так вы её называли.

- Вот именно! – Мариса взмахнула рукой. – Неужели ты думаешь, что она могла бы стать королевой народа, который привык сражаться?!

- Не знаю, - Кернунн покачал головой. – Разве это так уж важно? Для трона нужен ум, а уж он-то у неё был. А ещё Арианна, как и я, обладала даром. И вы боялись этого. Но вы не смогли предвидеть, что при дворе Ричарда её увидит рыцарь Томас Олдридж. Он влюбился в маленькую амазонку, выкупил её и сделал своей супругой. От этого союза родилась дочь.

- Не продолжай! – жестом остановила его Мариса. – Ты это знал! – горько усмехнувшись, покачала головой. – Ты знал это, братец! И ничего не сказал мне!

- Да, - он кивнул, - я знал. Но я боялся за девочку. В здоровье она пошла в мать, которая рано оставила этот мир. Я всячески хотел её уберечь от уготованной участи. Но… от судьбы никто не уйдёт… То, что случилось, это воля Свартши.

- Ну уж нет! Я не позволю, чтобы на троне великой Амазонии сидела какая-то хромоногая выскочка! Как же я жалею, что, не зная о её недуге, выбрала её на роль матери наследницы! Но ничего, всё поправимо, – Мариса засмеялась, а потом, резко оборвав смех, выхватила меч и кинулась на брата: - Ты умрёшь первым!

Но быстрая амазонка-стражница, до этой минуты стоявшая в стороне и наблюдавшая за беседой брата и сестры, опередила свою королеву. Рука воительницы стремительно метнула нож в спину Марисы. И та, обернувшись, уставилась широко раскрытыми глазами на неё, а потом, уронив меч, медленно осела на пол, истекая кровью.

Кернунн склонился над сестрой. Большая ладонь с крепкими длинными пальцами опустилась на лицо Марисы.

- Спи с миром, сестра, - чуть слышно прошептал маг и закрыл её застывшие зелёные глаза.

ЭПИЛОГ

В камине полыхало жаркое пламя, отбрасывая огненные тени на стены, украшенные гобеленами с изображением ратных подвигов владельцев замка. Наполненный теми волшебными ароматами, которые бывают только в сумерках, в открытое окно врывался свежий ночной воздух. И звуки ночных птиц долетали издалека – из леса, который раскинулся сразу за крепостной стеной замка.

Констанция стояла у окна. Тёмные локоны водопадом сбегали по плечам и спине. Тончайший белый шёлк рубашки колыхался от дуновения ветерка, приятно холодившего тело. Скрипнула, отворяясь, тяжёлая дверь, послышались тихие шаги, и сильные руки опустились ей на плечи, тёплое дыхание обожгло шею, и прямо в ухо прозвучал шёпот:

- Устала, любовь моя?

Не дожидаясь ответа, большие ладони скользнули к талии, накрыли округлившийся живот, мячиком выпиравший из-под рубашки.

- Как поживает наш малыш? – губы коснулись ушной раковины и скользнули к шее, прижались к ней нежным быстрым поцелуем. Одним, другим, и ещё, ещё, точно проверяли, исследовали, покоряли…

И каждый последующий поцелуй был всё более завоёвывающим.

- Хорошо, - ответила тихо, с улыбкой закрывая глаза, откидывая голову ему на грудь, - только очень шалит, толкается.

- Ах, он негодник, - смеющийся голос словно дразнил, как и руки, гладившие живот.

- А может, там она, - возразила Констанция и тоже засмеялась, отдаваясь сладостным ощущениям, которые стали разливаться по всему телу.

- Нет, так нельзя! – возразил он. - Первым у нас будет сын, а потом появится маленькая куколка-дочка, - он вновь тихо засмеялся, продолжая прижимать её к себе и дразнить прикосновениями губ, а потом добавил серьёзно: - И вообще, я не для того вернулся с перекрёстка миров, чтобы родить всего лишь двух детей. У нас их будет много!

- Много? Целая дюжина? – улыбнулась она, тая в его руках.

- Да. Или даже больше, - неожиданно шутливый тон пропал. – Знаешь, когда стрела дракона ударила в меня, я приготовился стать камнем, - признался, тихо прижимаясь губами к её макушке, - я как-то инстинктивно закрыл глаза рукой, на запястье которой был золотой браслет от разорванной цепи. Почувствовал удар и боль. Однако я всё видел и слышал.

- Ты видел меня? – спросила она.

- Да, родная, я видел тебя. Видел и слышал, как ты рыдала надо мной, пытаясь закрыть от огня. Но я ничего не чувствовал, кроме боли. Меня сковало, будто я стал камнем…

- Ты думаешь, тебя спасло золото?

- Не знаю… Но ведь это металл Огненного Дракона Свартши… Мне кажется, он отразил стрелы, они не попали мне в глаза, и это спасло меня. А потом ты спасла всех. Твой взгляд, обращённый на Дракона, огнём вспыхнул в моём сердце, и чувства стали возвращаться ко мне, - продолжал вспоминать он, а она, повернувшись к нему лицом, запрокинув голову, смотрела на него и словно пыталась впитать каждое его слово.

А потом, повинуясь своим желаниям, вдруг привстала на цыпочки, притянула его голову и прикоснулась губами к его губам. Нежный поцелуй заставил обоих затрепетать. Страсть и желание вырвались наружу. Живое тепло внизу живота и между бёдер было красноречивее слова, которое сразу сорвалось с её губ:

-Любимый…

И как ответ на его вздох - новый поцелуй, уже безудержно-горячий. Ощутила толчок в животе.

- Дэймон!

- Да, любовь моя?

- Он… он опять толкнул меня, - распахнутые глаза смотрела на мужа с удивлением и немного испуганно, - он возражает?

- О, нет, - засмеялся широко и радостно, - наоборот, ему нравится, он благословляет нашу любовь.

С этими словами он приник к губам жены, точно обследуя их, наслаждаясь их вкусом. Руки скользнули по плечам, спуская рубашку, обнажая грудь. И вот пальцы, привыкшие сжимать меч, нежно коснулись кончиков грудей, светлевших в полумраке спальни, как две полные луны. Констанция вздохнула, отдаваясь власти его рук. А он, прервав поцелуй, поднял её и, усадив на широкий подоконник, склонился к ней и коснулся губами бьющейся на шее жилки, потом провёл по ней языком и проследовал дальше. Он лизал напрягшиеся груди с затвердевшими припухшими сосками. И она едва не задохнулась от пронзившего её желания. Крик вырвался из её горла, точно издала его вспугнутая птица. А в ответ послушалось голодное урчание довольного зверя – Чёрный Дракон наслаждался прелестями своей жены.

Её руки опустились ему на голову, взлохматили непокорную гриву русых волос. Он же сорвал с неё рубашку и с той же пылкостью стал ласкать её полный живот, в котором проросло его семя. Язык и губы скользили по округлым изгибам её талии, бёдер. Ладонь опустилась под живот и накрыла маленький холмик, поросший крошечными завитками. Она застонала, приподнимая бёдра, открываясь ему навстречу. Чуть раздвинув

шелковистые кудряшки, он приник туда губами. Сейчас для него это был источник сладостного блаженства, и Деймон хотел испить до капли выступившую росу.

Констанция вскрикнула, тонкие руки взметнулись вверх, точно она хотела взлететь. И тут же ощутила, как его язык продвинулся между мокрых горячих створок её лона. Это было мучительно и сладко одновременно. Сейчас все её чувства переместились туда, в святая святых её женственности. И ей вдруг стало страшно, что она не выдержит этих ощущений.

- Дэймон, я не могу… - хриплый шёпот вырвался у неё.

И тогда он молча подхватил её и опустил на широкое расстеленное ложе. С улыбкой глядя в её лицо, ладонью провёл по внутренней стороне бёдер, понуждая раздвинуть их шире.

- Я хочу подарить тебе небеса, - прошептал, лаская взглядом.

И она сдалась, как делала это всегда, едва лишь он смотрел на неё вот так – пронзительно-нежно и в то же время покоряюще, заставляя почувствовать её его частью. Да, она его, его без остатка, она единственная женщина Чёрного Дракона, мать его будущих детей. Ноги, согнутые в коленях, раздвинулись, пропуская к её истекающей щели. И когда язык мужа стал собирать любовную влагу, Констанция закрыла глаза, полностью отдаваясь этим ласкам.

Сначала его прикосновения были робкими, словно он дразнил её, заставляя сбиваться дыхание. А потом всё резче и настойчивее он стал проникать внутрь неё. Надавливая и ударяя по чувствительной жемчужине клитора. И когда она уже была на грани взрыва, он повернул её на бок, лёг, прижавшись животом к её спине, и вошёл в неё мягко, одним плавным движением.

Пронзительный трепет волной прошёлся по её телу. Странное чувство охватило Констанцию. Она парила между небом и землёй. Каждое движение мужа, каждое его прикосновение горячими волнами окатывало её всю, заставляя просить ещё и ещё. Он выполнял её просьбы, двигаясь медленно и плавно, и увлекал её за собой к вершинам блаженства, как волны увлекают в море песок. Ритм стал быстрее. Большие руки мужа удерживали её, не давая устать.

Полёт продолжался, пока она не закричала, разлетаясь на миллионы хрустальных осколков, которые где-то внутри неё расплавились от его горячего семени.

***

- Идите, идите отсюда, милорд, - старая Мэри подтолкнула Дэймона в спину точно могла сдвинуть с места этого великана. – Нечего вам здесь делать. Нерыцарское это дело!

- Да пойми же, Мэри, я не могу больше вот так оставаться в неведении и слышать, как она кричит! – Чёрный Дракон возразил няньке, но послушно вышел из спальни, в которой сейчас находилась его жена.

Роды были тяжёлыми. Начались ещё вчера вечером. Когда он вернулся в замок после трудного дня, он услышал крики жены. Сразу взлетел наверх, к их спальне. И хотя несколько служанок преградили ему путь, он всё же прорвался к супруге. Однако Мэри прогнала его. И вот сейчас она вновь решительно пресекла его очередную попытку побыть рядом с женой.

Двери захлопнулись, и он опустился на пол рядом с ними.

- Дэ-э-э-эймон! – вдруг пронзительно закричала Констанция.

Едва не сорвав двери с петель, он ворвался в комнату и бросился к жене.

- Я тут, с тобой! – прохрипел, хватая её руку и поднося к губам. – Я не уйду, любимая! Ну, давай же! Давай, подари мне сына! – сжал её холодные пальцы.

И словно отвечая на его просьбу, Констанция вновь закричала, а вслед за её криком послышался пронзительный крик ребёнка.

- Вот, как просили, сэр, - засмеялась Мэри и протянула ему только что родившееся дитя.

- Он… такой маленький? – Дэймон, неловко держа малыша на руках, растерянно смотрел на старушку. – Мэри, разве мальчишки рождаются такими?

- А то? – Мэри засмеялась. – Это уж потом они вырастают похожими на своих отцов. А так уверяю вас, милорд, и вы тоже родились таким же.

Новый крик Констанции потряс стены Олдриджхола. Служанка быстро забрала новорожденного, а Дракон опять бросился к жене.

***

Уставшая, но невероятно счастливая графиня Олдридж лежала на чистых простынях и, не скрывая слёз, смотрела на мужа, который сидел рядом с ней, держа на руках два свёртка.

- Ну вот, сэр, как вы и хотели, я подарила вам наследника, - сказала она.

- И я безмерно счастлив, моя леди, - Дэймон с нежностью взглянул на жену и вдруг с озорной усмешкой заметил: - Всё-таки моя жена неукротимая и предусмотрительная женщина.

- Ты о чём?

- Ну, сама посуди, Мариса требовала от тебя дочь, а ты не послушалась, - Дэймон весело смотрел на жену, - ты родила сразу двоих. Теперь у нас есть наследник титула графов Олдридж и есть принцесса Амазонии, - он рассмеялся.

- Тише! Ты разбудишь их, - предостерегла Констанция. – Но я не хочу пока думать о том, что моя Арианна когда-нибудь взойдёт на трон, - добавила с грустью.

- Она будет достойной титула королевы, я обещаю.

Дэймон склонился и поцеловал жену.

- Тебе нужно поспать, любовь моя.

Но Констанция уже спала, нежная улыбка блуждала по искусанным губам.

КОНЕЦ

Схенти -(егип. греч.) набедренная повязка из неширокой полосы ткани, которую обертывали вокруг бедер и укрепляли поясом.

Иллюстрации автора.